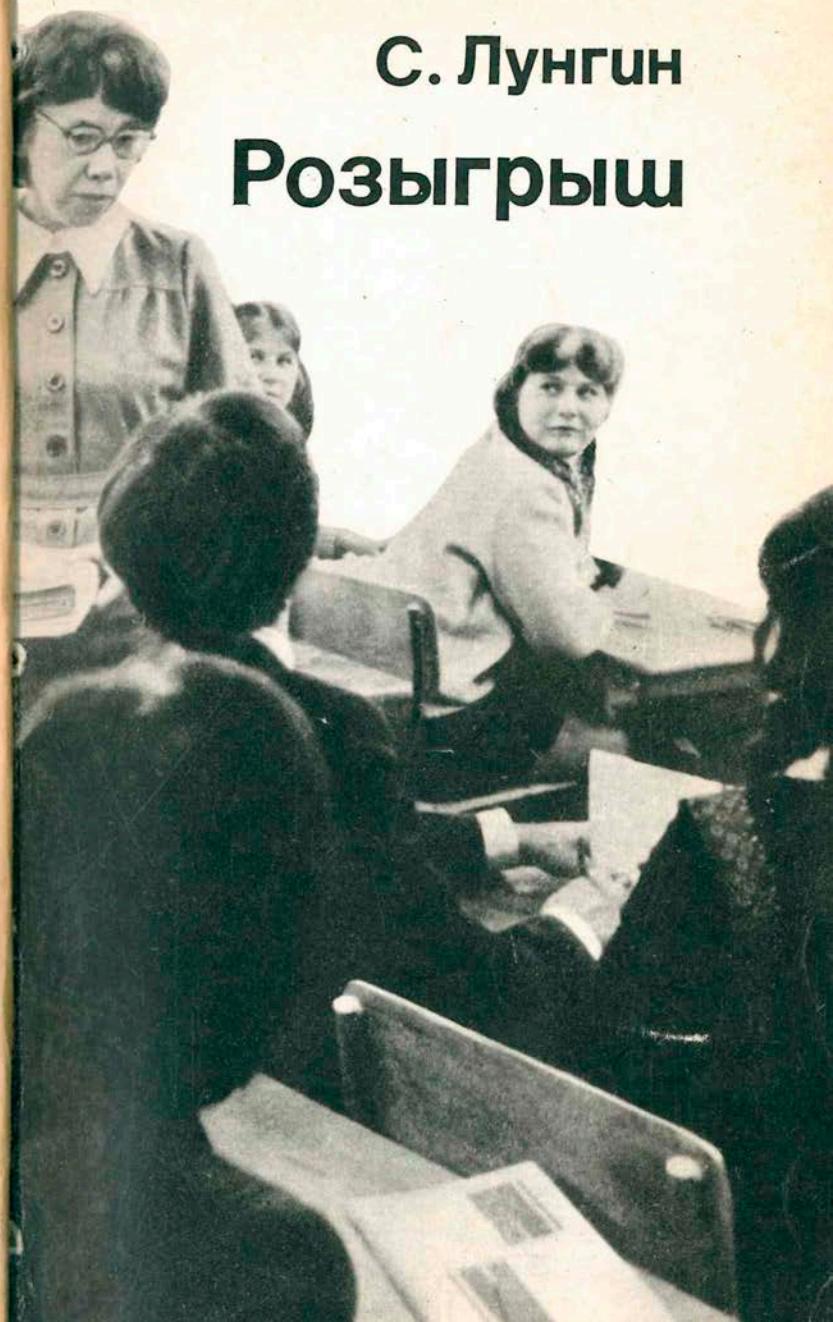

С. Лунгин

Розыгрыш

Семен Львович Лунгин родился в г. Серпухове в 1920 году. После окончания Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского работал режиссером в Московском драматическом театре им. К. С. Станиславского. Литературной деятельностью начал заниматься с 1954 г. Вместе с Ильей Нусиновым им были написаны пьесы «Моя фирма», «Дым без огня», «Гвозди», «Гусиное перо», «История одного покушения», «Пеппи Длинный чулок» и другие, идущие на сценах театров страны. Им принадлежат сценарии ряда фильмов, отмеченных премиями на киносмотрах и кинофестивалях: «Мичман Панин», «Тучи над Борском», «Добро пожаловать, или По-

сторонним вход воспрещен!», «Внимание, черепаха!», «Телеграмма», «Агогния» и другие.

После смерти И. И. Нусинова, последовавшей в 1970 г., С. Л. Лунгиным созданы пьесы «Без трех минут ровно», «Наше личное дело» и сценарии: «Мальчик и лось», «Розыгрыши», «Юлия Вревская» (совместная советско-болгарская постановка), «Мальчишки», «Трое в одной лодке...», «Комиссаржевская» и другие.

Сценарий фильма «Розыгрыши» на X Всесоюзном кинофестивале в Риге награжден Специальным дипломом за успехи в разработке темы воспитания подростков. Фильму присуждена премия ЦК ВЛКСМ «Красная гвоздика».

С. Лунгин

Розыгрыш

Киносценарий

Л. Голубкина

О сценарии

С. Лунгина

«Розыгрыш»

Кинодраматургия — странное занятие. Писатель, литератор месяцами сидит за своим письменным столом, пишет, обдумывая каждое слово, каждый шаг своих героев, сопрягая их судьбы, радуясь и сострадая.

А потом приходит режиссер, берет в руки этот плод раздумий и надежд и начинает его примерять на себя — тут прибавить, там убавить, слегка перекроить и немного перешить. И это только начало, потом появятся актеры, и у них тоже будут свои просьбы и пожелания. А художник, оператор, композитор...

Современный кинематографический процесс — это десятки индивидуальностей, собранных вместе. Каждый участник работы вносит в будущий фильм нечто новое, свое, непредусмотренное, неповторимое. Даже такие факторы, как погода, состояние здоровья и духа участников съемок, влияют на движение фильма.

А что же сценарист? Зачем ему сидеть согнувшись над столом, чтобы потом эти выношенные строки толковались и перетолковывались, исправлялись и переиначивались? Да, многие литераторы, соприкоснувшись с кинематографом, уходят из него навсегда. А немногие остаются. И те, кто остается, и есть кинодраматуры в подлинном смысле этого слова.

То, что отпугивает одних, притягивает других: эта коллективность, эта эстафета творчества, это радостное сознание своей причастности к общему делу, этот момент высокого волнения, когда с экрана начинают возвращаться к тебе твои слова и мысли, преображеные и воплощенные порой совсем чужими тебе людьми.

«Кинодраматургия — это не занятие, это любовь», — сказал мне однажды один сценарист, славящийся своей ироничностью. И сказал, заметьте, совершенно серьезно.

Семен Львович Лунгин — кинодраматург из «настоящих». Это его основная любовь, хотя на сценах театров не раз с успехом шли пьесы, написанные в содружестве с Ильей Нусиновым, его другом, соавтором и единомышленником, рано ушедшим из жизни.

Когда-то судьба почти случайно занесла их в кинематограф. Пришли молодые, веселые, полные сил и планов. Как говорится, зашли на минутку и остались... «Мичман Панин», «Тучи над

Л 80106-195
025(01)-78 113-117-78

Борском», «Внимание, черепаха!», «Телеграмма», «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!», «Агония» — далеко не полный перечень их работ.

Все их сценарии отличала искренность, гражданственность, пристальное внимание к становлению человеческой души. Они всегда утверждали подлинные духовные ценности — мужество, доброту, неравнодушные — и беспощадно разоблачали зло, подлость, формализм, античеловечность, какими бы обличиями они ни прикрывались. И еще одним оружием воздействия они владели виртуозно — иронией, которая была то мягко-лиричной, то почти гротесково заостренной.

Лунгин и Нусинов были профессионалами в самом высоком смысле этого слова. Когда читалась их сценарии, поражают прежде всего легкость, непринужденность, изящество, с которыми они написаны. Как будто почти шутя. Но стоит вдуматься — и за выверенной композицией, за отточенной фразой, за неожиданным поворотом событий ощущаются глубокие мысли и серьезный труд, высокий накал волнения, напряженность раздумий о жизни.

С 1970 года Семен Лунгин работает один. Легко написать — один, а за этим стоит трудная душевная перестройка, мучительный и сложный творческий процесс, где-то граничащий почти с рождением художника заново.

Этот новый художник вобрал все лучшее, что было свойственно легкому и счастливому перу Лунгина и Нусинова — свободу, ум, виртуозность. Но Лунгин стал и иным, в чем-то непохожим на прежнего — старше, грустнее, лиричнее. В его усмешке меньше иронии, больше печальной мудрости, доброты.

Мне Лунгин-художник представляется человеком огромной лирической силы. К кому бы материалу он ни обращался — а он берется за самые разные темы, — он всегда ищет возможности для искреннего, прямого разговора со зрителем. Ему отнюдь не все равно, дойдут ли его слова до сердец людей, сидящих в зале. Он хочет быть правильно понятым, понятым глубоко в своих тревогах, привязанностях, надеждах.

За эти годы им написаны сценарии фильмов «Розыгрыш», «Юлия Вревская», «Мальчик и лось». Сейчас на «Ленфильме» идет работа над сценариями «Трое в лодке, не считая собаки» (по мотивам произведения Джером К. Джерома), «Вера Комиссаржевская»; в творческом объединении «Экран» на телевидении снимается фильм «Мальчишки» — по повести Л. Кассиля «Дорогие мои мальчишки».

«Розыгрыш» был первой работой С. Лунгина для кино, написанной им одним.

Сценарий родился на свет уже давно — лет семь назад. У него поначалу была нелегкая судьба, его начинали ставить и отклады-

вали, менялись режиссеры, менялись планы творческих объединений, студий, менялись сами объединения... Наконец появился режиссер Владимир Меньшов. Собственно, режиссером он и стал на этом фильме. Ранее он был известен только как актер — исполнитель главных ролей в фильмах «Человек на своем месте» и «Последняя встреча».

Фильм вышел и имел огромный успех у тех, кому и был предназначен, — у подростков, у молодежи. Да и многих взрослых он не оставил равнодушными.

В чем же секрет успеха «Розыгрыша»? Мне кажется, что истоки его в своей основе были заложены в сценарии, в котором Лунгин удалось поднять очень важную нравственную тему и сделать это в форме повествования, близкой современности.

Семен Лунгин не просто кинодраматург — он сценарист, много пишущий для детской и юношеской аудитории и делающий это по призванию. Работать для детей вообще, по моему глубокому убеждению, можно только по велению души и с чувством истинной ответственности. Это значит постоянно размышлять о проблемах и делах современности, сопрягая их с судьбами наших ребят, подростков, юношей и девушек, пристально и заинтересованно наблюдая за ними, искренно и глубоко любя их, стараясь пробиться к их душам и умам, искать контактов, возможности быть понятым, то есть способов воздействия и взаимодействия.

А кто на свете может с уверенностью сказать: «Я это умею»? Каждый год приносит что-то новое, каждое поколение отзывается на свои позывные. Но какими бы различными ни были люди разных времен, каждый или почти каждый человек не может не откликнуться на призыв к искренности, совестливости, честности.

Сценарий «Розыгрыш» назывался первоначально совсем скромно: «Девятиклассники». Девятый класс выбран не случайно. Уже пройден рубеж ранней взрослости, но еще не наступило время выбора дальнейшего пути — окончания школы, когда все иные жизненные проблемы отодвигаются этой главной — кем быть, куда идти дальше. Девятый класс — это сложный период становления и самоутверждения, это время напряженных раздумий для тех, кто, конечно, хочет и умеет думать, это период формирования общественных, гражданских интересов.

Два антипода — Игорь Грушко и Олег Комаровский — взрывенно и драматично врываются в первый же эпизод фильма.

Игорь — нервный, взрывчатый, бескомпромиссный, одержимый, глубоко человечный — становится на протяжении действия сценария чуть более открытым к людям, чем раньше. На страницах сценария он проживает настоящую мужскую жизнь — приобретает друзей, занимается любимым делом и отстаивает его, защищает слабых, борется за справедливость, мстит врагу.

Олег — волевой, рациональный, высокомерный в сознании своей цельности и значимости в жизни — логически приходит к саморазоблачению.

Столкновение характеров, драматических воль движет сюжет, в основе которого лежит важнейшая нравственная проблема, вечно и бесконечно решаемая каждым в юности (хочется добавить: и не только в юности! — не просто «кем быть», но и «каким быть»).

Сценарий «Розыгрыш» построен по классическим законам драмы: два героя-соперника, девушка, внимания которой они оба добиваются, обман, разоблачение, столкновение...

И все-таки все здесь ново, потому что новы и современны герои С. Лунгина — молодые люди 70-х годов нашего, двадцатого века.

Вот как серьезно и, на мой взгляд, убедительно излагает свое кредо Игорь Грушко: «Почему вы... то есть все взрослые сравнивают жизнь всегда только с войной? Столкнуться! Победить! С открытым забралом!.. Если случится война, мы будем сталкиваться и побеждать, как вы побеждали... Но, по-нашему, жизнь — это мир. Мир — это радость. Это награда народу за прошлые страдания. А радость человек выражает в песнях, танцах, поэзии... В общем, в искусстве...»

Так не сказал бы молодой человек тридцать, двадцать и даже десять лет тому назад. Это раздумия сегодняшнего дня. Это раздумия, реализованные во всеобщей, повальной и даже пугающей тяге молодежи к музыкальному самовыражению.

Достаточно пройтись по улицам любого нашего города, городка или деревни. Скорее всего, вы обязательно встретите группу подростков с гитарой. И интеллектуалы, готовящиеся в физики, и нежные лирики, и иные «отпетые» — все тянутся к музыке, к песне. И не замечать, игнорировать это уже стало просто невозможно. Эта мысль тоже нашла свое место в фильме.

Есть в нем такой образ — старой учительницы Марии Васильевны. Она человек определенных принципов, суровый, даже жесткий. Она столько лет преподает в школе, столько поколений повидала, что, кажется, уже разучилась удивляться. Но она живой человек и прекрасный педагог и поэтому не может оставаться равнодушной к новым явлениям жизни. Она действительно любит своих ребят и искренне старается понять их, понять их порой чуждые для нее пристрастия, мысли, увлечения. И ребята ценят это. Самые честные и искренние тянутся к ней, нуждаются в ней, готовы открыть ей свои души и сердца. Они, эти люди, вместе, между ними нет водораздела.

Удача автора сценария «Розыгрыш» также и в том, что тяга ребят к музыке, составной частью входящая в их внутренний

мир, не только не упускается, но и осмысливается. Лунгин, как и его героя, вглядывается в лицо поколения пристально, заинтересованно. И он утверждает уверенно: в основном это здоровое, прекрасное поколение, имеющее свои принципы, страстно тянувшееся к правде, жизнеутверждающее и серьезное.

А то, что у них иные формы выражения своих чувств, своих раздумий, — это естественно, это нормально, это и есть движение жизни.

Думается, что во многом благодаря этой позиции — сочувственной и требовательной, благодаря точно найденной драматической ситуации и форме подачи, через предусмотренную еще сценарием музыкальную фактуру фильма картина имела столь разительный успех и значительное влияние на молодежь.

А что может быть важнее для художника, чем быть услышанным тем, к кому обращаешься?

И, может быть, в этом-то и состоит разгадка секрета извечной притягательности кинематографа для тех писателей, кто, не убоявшись трудностей, связал свою судьбу с экраном.

Ведь если тебя слышат миллионы, как много ты можешь дать миру!

Хотя есть и горечь в этой трудной профессии — порой кажется, что не все состоялось даже в самом удачном фильме: что-то ушло, что-то не реализовано, что-то реализовано не совсем так, как хотелось бы. И прекрасно, что есть возможность еще раз обратиться к людям, на этот раз, может быть, к самым заинтересованным — к тем, кто, посмотрев фильм, захочет прочесть сценарий, или к тем, кто, не сумев его увидеть, ищет путей знакомства. Таким людям эта скромная книжечка скажет многое. В ней кинодраматург Семен Львович Лунгин на какое-то время становится просто литератором, и выношенные, выстраданные им мысли идут прямо от его сердца к сердцам читателей и зрителей.

1. Кабинет завуча

И надо же было так случиться, что именно в то время, когда прихрамывающая эстетичка Руфина Аркадьевна развертывала конкретный план украшения классов и коридоров...

— Такая удача бывает раз в сто лет! В Загорске расформировывается ПТУ... Античные головы и репродукции бессмертных полотен... По балансу... Буквально за гроши... и по перечислению... И Лувр вам, и Акрополь, и Эрмитаж... Если мы сейчас же не застолбим, будет катастрофа... Передвижники на первом этаже. На втором — антики. Третий отдадим Возрождению...

— Четвертый — вырождению! — сказал Карл Сигизмундович, учитель химии, известный школьный остроумец, и все засмеялись.

— Нет-нет, — не расслышала эстетичка. — Барокко — четвертый. Пятый этаж — французы... А модерн...

— Этажей не остается, — перебил ее химик, он был явно в ударе. — Чердак!.. Весь модерн на чердак, от греха...

...Без стука распахнулась дверь, и в кабинет завуча, тяжело дыша, ввалился завхоз Клещев Семен Семенович. Он толкал в плечо девятиклассника Игоря Грушко. В другой руке Клещев держал какой-то черный размочаленный предмет, в котором, приглядевшись, можно было узнать гриф электрогитары. Следом за Грушко и Клещевым порог кабинета переступил довольно высокий мальчик. Ворот его рубашки был наполовину оторван и висел лоскутом на спине. Носовой платок он прижимал ко лбу. Воцарившаяся на миг тишина сменилась гневным клекотом учителей.

— Прохожу, понимаете ли, мимо туалета, слышу — возня... — с энтузиазмом рассказывал Клещев. — Я в нутро. Бьются, понимаете ли!.. Ну я одного туда, другого сюда, так не растишишь!.. Пришлося применить силу... Подобралась парочка и дуэль, понимаете ли, устроили...

— Грушко, в чем дело? — спросила завуч, справляясь с волнением. Учителя плотным полукольцом обступили пришедших.

Мальчик, которого все еще держал Семен Семенович, пожал плечами, причем непонятно, то ли он так отвечал на вопрос, то ли старался освободиться от тяжелой клещевской руки.

— Так... Комаровский, в чем дело? — обратилась завуч к пострадавшему.

Комаровский ровно и не слышал вопроса. Он старательно промокал платком разбитую бровь.

Когда затянувшаяся пауза стала уже необъяснимой, завуч сказала:

— Значит, молчание?.. Прекрасно...

Она зашла за свой письменный стол, где стоял коммутатор местной связи, и нажала кнопку:

— Слушаю, — раздался голос из громкоговорителя.

— Тамара, это Калерия Георгиевна. Возьмите, пожалуйста, что нужно для первой помощи и поднимитесь ко мне.

— А у нас прививочка идет, — ответила Тамара.

— Я не ясно говорю?

— Воюют, мерзавцы, простите за выражение... — снова заговорил Клещев. — Это уж не просто я — тебе, ты — мне... Это уж, я вас попрошу, понимаете ли! Трибунальное, так сказать, дело, в полном, как говорится, смысле...

— Ну-с... Будете говорить? — спросила Калерия Георгиевна металлическим голосом, обращаясь к Грушко. Тот покачал головой.

— Это наше личное дело, — сказал Комаровский хрипло.

— «Наше личное» — грамотный человек не скажет, товарищи девятиклассники! — воскликнула завуч. — Мое — личное!

— Нет! — громко сказал Грушко. — Так можно сказать: наше и личное!.. — И он кивнул в сторону Комаровского.

— Личное?.. — гневно переспросила Калерия Георгиевна. — С каких пор драка...

— Это не драка... — резко перебил ее Грушко.

— А что же, позвольте узнать?

— Это... Возмездие...

2. Класс

— Еременко, раздайте варианты, — сказала Мария Васильевна, войдя в класс.

Долговязая Еременко пожала плечами, подняв их чуть ли не до ушей, и зырнула быстрым взглядом по сторонам.

— Время! — Мария Васильевна оглядела класс.

— Какие варианты? Контрольная, что ль? — раздался сильно басовитый голос.

— Контрольная по тригонометрии. И не теряйте драгоценных секунд!

— Так никто не предупреждал!

Класс глядел на учительницу с изумлением.

— То есть как — не предупреждал? В пятницу перед звонком я во всеуслышанье объявила, что сегодня контрольная.

— Не говорили!.. Не объявляли!.. Честно, Марья Васильевна! — загадали ученики.

Тень неуверенности скользнула по лицу Девятовой, такому неприспособленному для выражения подобного чувства. Она нахмурилась и потерла переносицу.

— Да нет же! — воскликнула она. — Отвечал Корбут. Я даже помню, что именно: графики обратной функции... Было это, Корбут?

— Было, — произнес аккуратный мальчик, глядя на нее ясными глазами сквозь задымленные стекла очков.

— Ну вот, а потом я объявила, что сегодня контрольная, — уверенность снова засветилась в ее глазах. — Проверьте, у вас должно быть записано в дневниках.

— Ничего не записано! Вы забыли, Марья Васильевна! Вы не объявляли... Конечно, если вы говорите, мы напишем...

— Господи, что же это такое?.. — Мария Васильевна замерла на полшаге. — Никитин!

Никитин встал и словно нехотя посмотрел на Марию Васильевну.

— Пожалуйста сюда с дневником.

Никитин подошел к столу. Мария Васильевна раскрыла дневник на нужной странице.

— Что это значит? Почему не записано?

Никитин пожал плечами.

— Словами! Тут не глухие!

— Так не объявляли! — с почти искренним возмущением сказал Никитин.

— Садитесь! — она бросила дневник на стол. — Зорин-Кротов!

Здоровенный верзила поднялся над последней партой и пошел по проходу к столу Девятовой.

— О контрольной было известно?

— Персонально мне — нет.

— Почему такое отделение себя от коллектива?

— А я по натуре неколлективист, — под смешок класса ответил Зорин-Кротов.

— Однако у неколлективиста нет записи в дневнике, как и у всех... Садитесь. Почему вы в этой странной жакетке? — добавила Мария Васильевна, когда он уже подошел к своей парте.

— Это пуловер.

— А школьный пиджак вы отменили?

— Отменил, Мария Васильевна. Я из него вырос.

— А из этого не выросли?

— Тоже вырос. Но он растягивается... Показать?

И Зорин-Кротов показал, как растягивается его пулlover. Опять все засмеялись. Мария Васильевна подняла глаза, и все замолкло.

— Суливар!

Курчавая, смуглая, миловидная девушка с круглым значком «France — URSS» на переднике с готовностью подбежала к столику, так отставив дневник, чтобы все его видели.

— Пожалуйста, Мария Васильевна! — пропела она, ласково глядя на учительницу.

— Вардзиели!

— Да! — вскочил рыжеволосый мальчик, рыжие усыки топорщились над верхней губой.

— Я объявляла, что сегодня контрольная?

— По-моему, нет, Мария Васильевна.

— А по-моему, да, Вардзиели!

— Несовпадение!

Опять засмеялись, теперь громче. Классом овладевало какое-то нервное веселье. Мария Васильевна хлопнула рукой по журналу.

— Развеселились!.. Грушко!

Из середины среднего ряда поднялся невысокий худощавый мальчик.

— Да...— спохватилась Мария Васильевна.— Это же было в пятницу, а вы у нас с субботы. Садитесь. Олег, прошу сюда. Рослый, сероглазый, совершенно спокойный блондин не спеша двинулся к столику. Девятова смотрела на него с явной симпатией. Она перелистала его дневник и сказала каким-то угасшим голосом:

— И у вас не записано...

— Увы!— Комаровский развел руками.

Мария Васильевна опустила глаза и долго терла переносицы. Класс затаенно ждал.

— Да нет же!— вдруг всплеснула руками Девятова.— Не может быть такой абerrации памяти! Я отлично помню: отвечал Корбут... я подошла к окну...— она повторила этот путь,— и здесь сказала.

— Не говорили!— весело закричал класс.

Мария Васильевна обвела всех медленным взглядом, подошла к столику и обратилась к девушке, сидящей прямо перед ней на первой парте:

— А у вас, Петрова, тоже не записано?

Петрова растерянно покосилась на сидящих поблизости, словно говоря: «Ну вот, видите... Я предупреждала...», но ни у Даши Розановой, ни у Кэт Горемыкиной, ни у Олега Комаровского поддержки не нашла...

— Я слушаю, Петрова.

Девушка была под фартуком спеленута шерстяным платком, и шея ее под самый подбородок тоже была окутана каким-то узеньким зеленым кашне.

Девятова подошла к ней вплотную и негромко спросила:

— А объявляла я о контрольной или не объявляла?

Петрова напряженно глядела перед собой и молчала. Математика не спускала с нее глаз.

— Я слушаю, Тая.

Девушка уставилась на часы над доской и пошевелила губами. Видно, фраза была достаточно длинной, хотя ни звука слышно не было.

— Повторите!

— Мария Васильевна, у нее как в телике — звук выключили, одно изображение!— крикнул Вардзиели.

Класс грохнул. Мария Васильевна внимательно следила за артикуляцией Тайных губ.

— Что значит — не спрашивать вас об этом? — вдруг резко выкрикнула она. — Я требую ответа — объявила или не объявила?

Ребята разом стихли. Тая попыталась что-то сказать, не сказала, рухнула головой на руки, и плечи ее судорожно затряслись.

— Вот таким путем, — ни к кому не обращаясь, произнес Зорин-Кротов.

— Наконец-то! — торжествующе воскликнула Мария Васильевна. — Ну, конечно, объявила! А то уж я подумала, что схожу с ума...

Она прошлась от двери до окна, остановилась перед доской.

— Вы очень жестоко обошли со мной... — негромко сказала она. — И нерасчетливо, — добавила она раздельно.

Ребята начали стыдливо хихикать.

— Это шутка, Мария Васильевна!.. Розыгрыш... Что вы, шуток не понимаете? — послышались робкие голоса.

Девятова печально покачала головой.

— Нет, это не шутка. Это ложь. Коллективная ложь... И ради

чего?! Вы что — действительно хотели свести меня с ума, говоря на черное — белое? Неужели жалкая, ничтожная цель — отложить контрольную на несколько дней — стоила таких постыдных средств?

Мария Васильевна подошла к окну и долго глядела на деревья в школьном дворе. Потом повернулась к классу.

— И все-таки контрольная состоялась. Только задачи были не тригонометрические, а нравственные. И вы их решили неверно.

— Этот тип задач не имеет однозначных решений,— улыбнулся Комаровский.

— Только однозначные! — неожиданно гневно крикнула Мария Васильевна и стукнула кулаком по подоконнику.— Ведь люди, которым не свойственна ложь, для которых чувство правды — естественное органическое чувство, в тот самый миг, как вы объединились для лжи, стали вам чуждыми, чуть ли не врагами. Вдумайтесь во всю противоестественность этого. Они должны оправдываться перед вами, и ложью, заметьте,— только ложью! — заслужить себе прощение. И вы называете это шуткой?

Класс угнетенно молчал. Встала Алиса Суливар и пропела с обезоруживающей искренностью:

— Ну, Марья Васильевна! Ну, простите нас, пожалуйста! Ну, мы не думали, что это для вас так серьезно!..

— Это более серьезно для вас, чем для меня,— прервала ее Девятова.— Можете считать меня несправедливой и жестокой, но я хочу приучить вас к мысли, что вы уже взрослые люди и должны платить за свои ошибки. Даже если вы чистосердечно в них раскаиваетесь.

Мария Васильевна подняла дневники, лежащие у нее на столе.

— Никитин, Зорин-Кротов, Суливар, Комаровский, Вардиэли будут наказаны.

— Значит, виноваты все, а мы будем казнены как заложники? — по-прежнему обаятельно улыбаясь, спросил Комаровский.

— Заложники безвинны. А у вас рыльце в пуху,— веско произнесла Девятова.

3. Кафе-мороженое

От стеклянной двери кафе в зал шли двое; вымокшие от дождя. Один, лет тридцати с лишним, с бакенбардами в полщеки, другой, Игорь Грушко, со сплющимися, мокрыми волосами. Они на ходу вытирали носовыми платками лица и шеи. Не успели пришедшие сесть за столик, как Игорь порывисто потянулся к плоскому черному футляру, который тот, что с бакенбардами, бережно положил на свободный стул. Бакенбардный решительно отстранил

Игоря, выдернул из стакана на столе несколько бумажных салфеток и принялся, не торопясь, стирать с футляра дождевые капли...

А за дальним столиком у окна сидели Олег Комаровский, Алиса Суливар, Даша Розанова и Кэт Горемыкина.

Портфели брошены на пол, к ножкам кресел. Облитые темным вареньем шарики пломбира поблескивают перед каждым, как пирамиды ядер под жерлами мортир. Раскрытые тетрадки соседствуют с металлическими вазочками.

— Это элементарно,— говорил Олег девочкам, склоненным над листком контрольной, изрядно исчерканным красными чернилами.— Тут остается синус альфа квадрат и сокращается с этим синусом альфа квадратом, если раскрыть скобки... Значит, в этой половине остаются два тангенс бета и четыре тангенс бета... Усекаете?

— Ага-ага...— согласно кивали девочки.

— Ух, до чего я ее ненавижу! — сказала вдруг Даша Розанова, подперев щеку кулачком и глядя в потолок.

— Марью? — спросила Кэт Горемыкина.

— Да что ты?

— Все-таки, человеческие отношения ничего не стоят!.. — тяжело вздохнув, сказала Кэт Горемыкина.— Правда, Олег? Уж как к тебе Марья относилась! И олимпиады, и ля-ля, и по фамилии никогда не вызывала — Олег, Олег! А стоит чему-нибудь, и — раз! — как не бывало!

— Я подошла к окну, Корбут чертил график, и я сошла с ума... — очень похоже передразнила Девятову Алиса.— Коготок увяз — всей птичке пропасть!

— Ой, хорошо, хоть она про коготок сегодня не завелась,— сказала сквозь смех Даша Розанова,— со мной бы случилась истерика!

— Марья — личность! — произнес Олег Комаровский серьезно.— Характер — железобетон. Если бы она всю жизнь в школе не проторчала, знаете, куда бы могла рвануть!.. Ну, будете дальше слушать?

И девчонки снова склонились над листом.

...Было видно, что Игорь изнывает от нетерпения. Наконец, тщательно протерев футляр, бакенбардный щелкнул застежками, откинул крышку, бережно вынул черную, лаковую, инкрустированную, тонкую, как спичечный коробок, какую-то рогатую гитару с длинным, удивительно изящным грифом и издали показал ее Игорю. Тот, словно его ветер сорвал со стула, кинулся к гитаре, но бакенбардный со смехом поднял инструмент над головой.

— ...Подождите, а где тангенс в знаменателе? — вскинула голову Кэт и вдруг повернулась к Даше.— А кого ты ненавидишь?

— Петрову... Эту юродивую... Замотается в платок, не поймешь, где зад, где перед, и лепе-е-е-чет...

— Не будь такой нетерпимой, Дашок,— повернулась к ней Алиса.— В Петровой есть какая-то трогательность. У нее такая душевная ткань...

— Кончай, Алиска!— оборвала ее Даша Розанова.— Никакой у нее ткани нет... Знаете, если с нее этот платок размотать, там еще платок, а под ним еще... Все размотаешь, а внутри — ничего, даже амебы нет... У нее и голосу неоткуда взяться. Шипит, как припадочная...

— Вот он, тангенс!— сказал Олег.— А это выражение по таблице... Вот... И получается два синус альфа. Вполне корректно...

...Игорь умоляюще поглядел на владельца гитары, но бакенбардный накинул ленту через плечо и не спеша стал подстраивать струны, склонившись ухом к деке. И Игорь склонился ухом к деке. Потом бакенбардный встал и, сказав что-то официантке — та в ответ улыбнулась и кивнула,— направился к эстраде...

— Нет, Петрова — содержательная девочка,— сказала Алиса Суливар серьезно.— Понимаете, как-то с первых классов не заладились отношения с ребятами... Болела... Молчала... Я уверена, что она живет своей внутренней жизнью и ей никто не нужен, вот и все...

— Ну это же патология, раз никто не нужен!— бросила Даша.

— Нет, девочки, увидите, Петрова еще когда-нибудь нас всех удивит,— упорствовала, поглядывая на Комаровского, Алиса Суливар.— Есть же люди, которые сами по себе?

— Уже удивила, дальше некуда! — продолжала злобствовать Даша.— Правдоискательница!.. Весь класс заложила... Марья знаете какая злопамятная...

— Не злопамятная, а справедливая,— сказала Алиса.

— В гробу я видела такую справедливость!— взорвалась Даша.

— Правда, девочки!— подхватила Кэт Горемыкина.— Ну, чего Петрова добилась? Класс раскололся, одни говорят правильно с контрольной устроили, другие — неправильно, Марья психует, сама ходит потерянная, еле ноги таскает. А все отчего? Один разок сорвать не смогла!

— А ведь действительно не смогла!— сказал вдруг Олег Комаровский.— У меня к Петровой никаких обид... Честно... Каждый человек волен выстраивать свою линию поведения... Так что никаких комплексов на этот счет... А вот я — кретин, что связался с этой историей!.. Детство!..

— Олеженька, ты меня просто угнетаешь своим благородством!— презрительно усмехнулась Даша Розанова.

...Бакенбардный вел себя как хозяин, он подключил гитару к усилителю и взял аккорд. Звучание органа наполнило зал, а музыкант, он был мастер своего дела, демонстрировал возможности инструмента в разных регистрах, и мотив, который он наигрывал, то колюче звенел, то затаенно шептал, то надсадно вопил человеческим голосом.

Все сидевшие в кафе разом приосанились и повернулись к эстраде. И наша четверка, издалека, вытянув шеи, с интересом прислушивалась к неожиданному концерту.

Игорь, с взъерошенными, мокрыми волосами, слушал гитариста с жадной сосредоточенностью, прикрыв ладонью глаза. А гитарист все играл и играл, переходя с одной мелодии на другую...

Вдруг Игорь спохватился, полез в карман и стал деловито пересчитывать мятые купюры.

— Ой, глядите!— вдруг вскрикнула Кэт Горемыкина.— Это же наш новенький... как его... Грушко!

— Где? Где?— девочки вскочили со стульев.

— Вон там, видите? Деньги считает.

Олег и девочки с тревожным интересом переглянулись.

4. Фотокомната

Они сидели вчетвером в фотокомнатах: Игорь Грушко, Андрюша Никитин, Шурик Корбут и Илья Вардзиели. Места в этом закутке было немного, всего один стул и одна скамеечка помещались на полу. Но зато стул был огромный, от стенки до стенки, встроенный раз и навсегда. На нем и сидели, сдвинув в сторону кюветы, ванночки, бачки и картонные упаковки с химиальями. Все, кроме Игоря. В его распоряжение были отданы и единственный стул и скамеечка. И он сидел на стуле, поставив левую ногу на скамеечку. Он держал свою старую, видавшую виды гитару и тихонько перебирал струны.

— Погоди!— сказал Вардзиели, соскочил со стола, приоткрыл дверь, выглянул в коридор и перевернулся болтающуюся на филенке табличку с надписью: «Не входить! Идет процесс!»

— Конечно, если считать, что это все мура,— сказал он, искаса глядя в угол потолка,— то и начинать не стоит. Если все это ди-дула-ду, ди-ду-ла, — значит, и начинать нечего попусту тратить время, времени и так нет...

Он снова взял аккорд, не дав до конца отзвучать потревоженным струнам, сыграл что-то короткое, ритмичное и очень приятное на слух.

— Класс!— Вардзиели расплылся в улыбке.— Так мы никогда не научимся!

— Научитесь! — сказал Игорь. — Я ее (он щелкнул пальцами по гитарной деке) в прошлом августе первый раз в руки взял...

Он поиграл немного и заговорил, не переставая перебирать струны:

— Популярная музыка не потому хороша, что ее все любят, а потому, что она... настоящее, вот такое, искусство, которое выражает... ну, нутро, ну, личность... Понимаете? Потому что, кто сочиняет мотив, тот сочиняет и слова, и сам играет, и поет... И все сливаются в одном человеке или в одной группе, которая хоть и несколько человек, но все равно одно — одна личность.

— А у вас там, в Новосибирске, получилось насчет одной личности? — спросил Вардзиэли, ероша волосы.

— В принципе, понимаешь? — Грушко взглянул на него и, словно за что-то оправдываясь, продолжал. — Мы только-только раскачались, но кое-что начало получаться... Знаете, как здорово, когда у тебя со всеми — одни нервы. И один и не один... И все вместе, и каждый сам по себе...

Сидящие на столе согласно кивали, и как Игорь ни вглядывался, он не видел насмешки в их глазах, а он очень боялся насмешки.

— Вы думаете, битлы случайно завоевали весь мир? Не у меня пленка битлов есть, километра полтора! Я все ее кручу на маге, хочу понять...

— Ну, понял? — спросил Шурик Корбут.

— По-моему, понял... Я понял, как у них мелодия идет, как аккомпанемент... В общем, гармония... Но я понял и другое: тексты и музыка — это их тексты и их музыка... Они не годятся... Все, кроме ритмов, — их! А ритмы... Ритмы — это, как бы сказать?.. Это напряжение жизни на земле в данное время...

— Ага, — подхватил Андрюша Никитин. — Это вроде такого невидимого слоя, который обтекает весь земной шар, как радиоволны.

— Да! — Грушко зацепился за эту мысль. — Только принимаю их не радиостанции, а люди... У которых талант... — добавил он тихо.

— Подожди, — недоуменно вскинул голову Шурик Корбут, — как же это получается?.. Значит, везде одно и то же? И у нас и у них, и там, и здесь? — указывал он руками в разные стороны.

— Нет, не одно! — возбужденно почти выкрикнул Игорь. — Только ритмы одни... Ну, как пульс земного шара... Ясно? А темп мелодии, слова — разные. У каждого народа свои.

— Потому что мировоззрения разные! — наконец-то и Вардзиeli удалось вставить умное слово.

— Мировоззрение — да! — подхватил Никитин. — А главное — надежды... Надежды разные...

— Точно! — обрадовался этой мысли Грушко. — И вот в песнях эти надежды как раз и выходят наружу...

— Прорастают! — вдохновенно воскликнул Вардзиeli и пошел велить пальцами перед лицом Шурика Корбута. — Вот так!

— Ага! — сказал Грушко. — В мелодиях. И в словах, конечно. Но больше — в мелодиях. Путанно я говорю. Люди должны хотеть слушать нас!

— Это ужасно трудно. Ведь чтобы люди захотели нас слушать мы должны быть очень интересными людьми, правильно? — задумчиво проговорил Андрюша Никитин.

Грушко в ответ как-то яростно кивнул.

— Да.. Должны!..

В этот момент в дверь фотокомнаты резко постучали.

Все соскочили со стола и растерянно переглянулись. Вардзиeli поднес палец к губам и руками весьма выразительно показал что, мол, стойте тихо, авось там подумают, что здесь никого нет.

Краткое время казалось, что маневр удался и даже как-то о сердца отлегло — за дверью была тишина.

— Открыть немедленно! — раздался резкий мужественный голос.

Ребята боязливо переглянулись, а Вардзиeli махнул рукой: все равно, дескать, накрылись, шагнул к двери и откинул крючок. В проеме распахнувшейся двери стоял Семен Семенович Клещев.

— Процесс у них, понимаете ли, идет... — сказал он, взглядавшись внутрь фотокомнаты. — Какой процесс? А? — Он принюхался. — Курили?

— Нет, — за всех ответил Вардзиeli.

— Можно верить? — Клещев, видимо, ничего не учаял.

— Честно, — с простодушной улыбкой сказал Вардзиeli. — Мы в туалете курим.

— А с химией чего смылись?

Корбут привычным движением толкнул очки указательным пальцем в дужку, чтобы они поднялись на переносицу и, почувствовав в слове «смылись» еле улавливаемый признак возможной смены гнева на милость, сказал доверительно:

— Лабораторная работа, а у нас еще прошляя в тетрадки не переписана. Охота была пару получать.

— Значит, прогуливать лучше? — спросил Клещев с коварным выражением лица.

— С точки зрения теории — хуже. Но практика показала, что лучше. В журнал ставят пропуск, и то не всегда, а тут два балла железно.

— Ладно, вы зубы, понимаете ли, не заговаривайте! — Клещев собрал в голосе остатки строгости. — Чем вы тут занимались? Песни разучивали? — он указал на гитару.

— Видите ли... — начал Андрюша Никитин. — Грушко читал нам лекцию о роли музыки в современном мире.

Клещев настороженно оглядел ребят и, убедившись, что никто над ним не насмехается, печально сказал:

— Лекторы!.. Вам еще самим учиться и учиться, а вы уже... Вам такие условия создали, только набираетесь знаний!..

— Семен Семенович, — побледнев, сказал Никитин. — Нам уже по шестнадцать лет. Мы уже не на верхнем уровне детства, а на нижнем уровне взрослости. Пусть на нижнем, но взрослости. Мы уже по возрасту должны многое понимать...

— Вот Грибоедов в шестнадцать лет университет кончил, пять языков знал!.. Вы это знаете? — спросил Вардзиeli Клещева. — А Пушкина старик Державин уже давно заметил и, в гроб сходя, благословил...

— Да все, которые чего-нибудь стоят, в шестнадцать лет уже вполне людьми были!.. — сдерживаясь, чтобы не орать, заговорил Грушко. — Моцарт в шестнадцать лет ведь черт-те что уже на-

писал, его же в двадцать с чем-то уже отравили... И все!

— Виши, каких вы в примеры ставите! Гениев! — возразил Клещев, захваченный энтузиазмом мальчишек.

— А что про нас известно? — почти высокомерно спросил Вардзиели. — Может быть, вы еще когда-нибудь будете гордиться знакомством с нами!

5. Кабинет химии

В кабинете химии шла лабораторная работа.

9-й «А» что-то взвешивал, толкал в фарфоровых ступках, ссыпал на специальные бумажки, проверял на запах и записывал в тетради, в то время как немолодой химик, Карл Сигизмундович, увлеченно занимался делом, на первый взгляд малопонятным. На длинной узкой доске, висящей за длинным узким столом, Карл Сигизмундович старательно, цветными мелками рисовал различные фазы лабораторной работы, а возле каждой фазы — различные карикатурные зверей. Его ослы, козлы, черепахи и попугаи выглядели весьма забавно. Над головой каждой смешной твари, в сиянии ярко-розовых лучиков, был каллиграфически выписан изящный вопросительный знак.

Но главный педагогический трюк состоял в том, что в тщательно вырисованную большую розовую калошу, в углу доски, надлежало вписывать фамилии нерадивых экспериментаторов — «сажать в калошу».

А 9-й «А» занимался своими делами, не обращая никакого внимания на графические упражнения Карла Сигизмундовича, — было ясно, что этот воспитательный прием изрядно всем поднадоец.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошел завхоз.

— Прошу прощения, Карл... — он запнулся, изготавливая губы для трудной артикуляции.

— Си-гиз-мундович! — подсказали сразу несколько человек.

— Так точно! Прошу прощения. — Клещев был невозмутим. — Вот тут товарищи, в количестве четырех душ, явились...

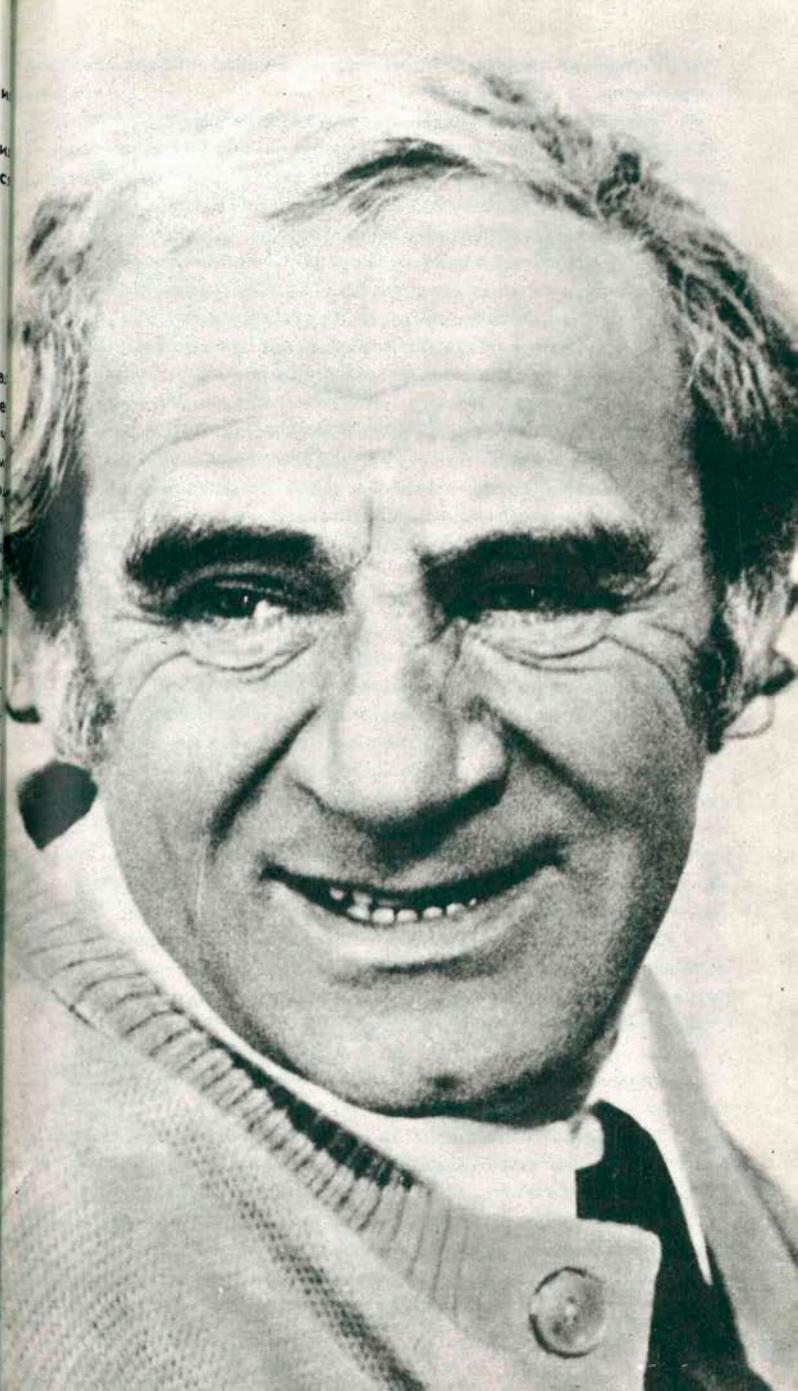
— Принять холодный душ! — не удержавшись, выкрикнул Зорин-Кротов, уж очень велик был соблазн сказать в рифму.

Класс грохнул.

— ...явились присутствовать на уроке химии, — продолжал четким, размеренным голосом докладывать Клещев. — Разрешите мне включиться в занятия...

— Сделайте одолжение! — любезно ответил Карл Сигизмундович. — А чем вызвана, позвольте спросить, такая задержка?

— На гитаре, понимаете ли, играли, — объяснил Клещев.

— Достойное занятие! — воскликнул химик. — Каждому свое, кому учение, а кому... что?

— Развлечение! — подсказал в рифму Зорин-Кротов.
Класс хмыкнул.

— Совершенно верно, мой молодой просвещенный друг. Ну-с, присаживайтесь, — обратился к пришедшем Карл Сигизмундович. — Благодарю вас, Василий Васильевич.

Клецев вышел, тщательно притворив за собой дверь.

Ребята, понуро стоявшие у стенки, разом двинулись и привычными, кратчайшими маршрутами добрались до своих мест за столами. Все, кроме Игоря Грушко, который, помявшись, робко-вально подошел к Тае Петровой. Тая, скользнув по нему взглядом, чуть отодвинулась в сторону и продолжала сосредоточенно взвешивать какое-то истолченное в пыль вещество. Грушко с минуту понаблюдал за ней, потом, подперев голову рукой, уставился в разрисованную доску. Смешные звери понравились ему, и он принялся разглядывать их в подробностях.

— Так-с... — произнес химик раздумчиво. — Калоша готова принять первых лентяев.

Карл Сигизмундович нарисовал в калоше четыре схематичные фигуры, надписав над каждой «Вардзиели, Корбут, Никитин» и остановился, пристально глядя на Игоря.

— Твоя фамилия, почтеннейший?

Грушко встал и, не мигая, поглядел на учителя.

— Вардзиели, подскажи новичку, как его зовут! — велел химик.

— А почему вы не спросите меня по-простому? — сказал Грушко.

— Потому, милостивый государь, что после краткого визуального знакомства вы производите впечатление человека совсем не простого.

— Фамилия моя Грушко.

— Отлично, так и запишем, — и Карл Сигизмундович написал розовым мелком над головой четвертой фигурки печатными буквами: «Грушко». — Ты, насколько я могу судить по журналу, у нас субботы?

— Да.

— Из московской школы?

— Из новосибирской, — ответил Грушко.

— Прекрасный трудовой город! — произнес химик. — Так-с! Ну и что же, ты там тоже в рабочее время занимался «тру-ля-ля»?

— Именно «тру-ля-ля», — сказал Грушко, ощетинившись... — Самое точное определение...

— Вот ответ! — химик иронически улыбнулся. — Ну и как же реагировал коллектив учителей на твои упражнения?

Грушко набычился и не сводил глаз с Карла Сигизмундовича.

— Соответственно, — ответил он, помолчав.

— Взглянет — рублем подарит и скажет слово — тоже подарок! — воскликнул химик беззлобно. Можно было подумать, что новичок ему даже нравится. — Ну-с, я тебе обещаю, что и здесь реакция будет соответствующей, конечно, если ты будешь жить по принципу «делу — час, потехе — время...».

— Это не потеха, — сказал Грушко тихо.

— Ну, на сей счет могут быть различные мнения, — химик продолжал глядеть на Грушко с интересом.

— К сожалению, — сказал Грушко. — Разрешите сесть?

Химик кивнул.

— Родились стихи! — провозгласил Зорин-Кротов. — Не хватало петушки, и прислали нам Грушка!

Класс прыснул.

— Попросим поэта к доске! — в тон ему воскликнул химик. Зорин-Кротов нехотя поплелся к столу с реактивами и взял мел.

Грушко оглядел класс, наткнулся на насмешливый взгляд Комаровского и тоже посмотрел на него без приязни. Тая продолжала подбирать разновески. Игорь взял щепотку белого порошка, зачем-то посыпал его на пламя газовой горелки. Порошок неожиданно взорвался с легким хлопком, и желтый дым окутал Таю.

— Ой, прости!.. — испуганно сказал Грушко.

Тая доброжелательно улыбнулась и опять перевела глаза на доску, где писал формулы Зорин-Кротов.

— Не плохо, Зорин-Кротов, не плохо... — приговаривал Карл Сигизмундович, — а кошмарно...

6. Улица

— За те несколько лет, что я заседаю в народном суде, такого дела еще не было...

Мария Васильевна замолчала. Она всегда молчала, переходя улицы.

Петрова всякий раз, провожая Марию Васильевну, испытывала чувство неловкости от ее прямо-таки патологического застывания на переходах до того рационально не объяснимого мига, когда Мария Васильевна вдруг опрометью кидалась поперек улицы, ошалело глядя перед собой. Она успевала добежать только до середины противоположной проезжей части, когда давали зеленый свет транспорту и, совершенно обессилев от ужаса и

метаний, выпрыгивала на спасительный тротуар под душераздирающий скрип тормозов. Долго еще Мария Васильевна не могла успокоиться, переживая свой позор и жалко оправдываясь:

— Почему меня охватывает какая-то необъяснимая паника на этих переходах? Не такая я уж трусиха, в жизни я довольно твердо принимаю решения и вполне не тривиальные, но здесь я совершенно теряюсь...

— Это для гармонии,— сказала Таю.— Иначе в вашей жизни не было бы ощущения объема. Нужны контрастные эмоции.

— Что вы, девочка!— Мария Васильевна внутренне подобралась.— Контрастов больше, чем надо, избыточный ряд контрастов... Вот, к примеру, дело, о котором я вам рассказываю. Он сказал, что пойдет в школу рабочей молодежи, будет работать и учиться. Возможный вариант? Безусловно. Школа проявила непростительное равнодушие — вычеркнули из списков и забыли. А он не поступил ни в школу, ни на работу. Сбилась компания... Гитары купили. Там у них парк по соседству, до поздней ночи в парке, поют, играют... Начались выпивки, пристрастились к курению. И логический, вернее, трагический финал: потребовалось два рубля — то ли карточный долг каким-то мерзавцам отдать, то ли опохмелиться. Бабушка заупрямилась, так он,— Мария Васильевна остановилась, чтобы перевести дыхание, так она раз волновалась,— схватил в приступе озверения гантели и изувечил человека. Из-за двух рублей, представляете себе!.. А несчастная мать рыдает: «Он один у меня...» И мальчишка, красивый, высокий... Когда милиционеры уводили его, стриженого наголо, в тюрьму... Слезы!..

От сопреживания рассказу Таю постепенно замедляла шаг и остановилась, даже не заметив этого. Остановилась и Девятова, продолжая говорить:

— Понимаете, Таю, почему я просто прихожу в неистовство, когда вижу всяческие легкомыслия, курения, выпивки, начинающиеся в школьные годы? Меня не любят за мою подозрительность. Справедливо, за подозрительность нельзя любить. Но за тридцать лет учительства я узнала столько и прекрасного и дурного!.. Я ясно вижу момент, когда у птички начинает увязать коготок... И я не могу молчать!

Они подошли к переходу. Очередь грузовиков шла на правый разворот, почти не снижая скорости, царапая угол тротуара устраивающими рифлеными покрышками.

— Ну, начинается мученье,— сказала Мария Васильевна и взяла Таю под руку, прямо-таки вцепилась в нее.

Резкие воздушные волны обдавали скопившихся на переходе людей, и вдруг:

— Здравствуйте, Мария Васильевна!

— Здравствуйте Мария Васильевна!
— Здравствуйте, Мария Васильевна!
— Здрасте, Марья Васильевна!

Корбут, Никитин, Грушко и Вардзиели, как дьяволы, выскочили из узенького просвета между задней стенкой кузова заворачивающей вправо машины и радиатором вплотную следующей за ней, неся кто над головой, кто перед собой, кто под мышкой однообразные продолговатые бумажные свертки.

Тая немного отстала от Марии Васильевны, а чуть впереди нее пожилой человек в очень старой военной форме обеими руками прижал к животу здоровенный фикус. Таю стояла как бы в тени этого фикуса, и неожиданность такой тени ее радовала. Она касалась пальцами больших, лаковых листьев и улыбалась.

Такой и увидел ее в краткий миг Игорь Грушко. Увидел и тотчас перевел взгляд на Марию Васильевну, глядевшую с укоризной.

— Торопитесь? Все расписано до секунды? Помните французское уличное правило: лучше одну минуту подождать, чем всю жизнь быть мертвым?..

Кое-кто из ожидающих перехода засмеялся. Ребята, потупившись, стояли перед Марией Васильевной, как на проработке, и молчали.

— А что это у вас всех такое? Однаковое? — спросила Мария Васильевна, указав на свертки.

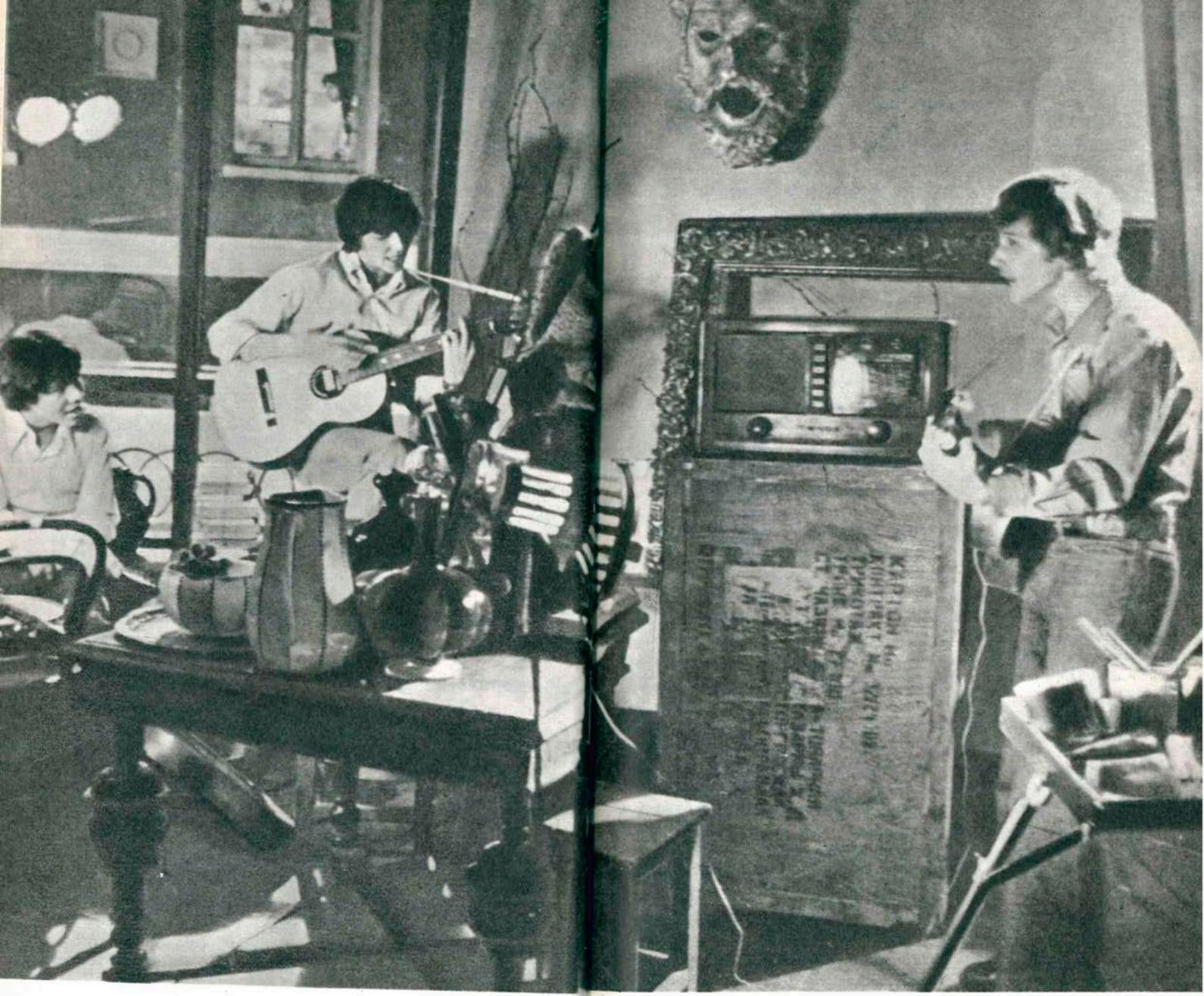
— Это гитары! — счастливо блестя глазами, почти крикнул Вардзиели.

— Гитары?.. Ну, вот... — удрученно сказала она, взглянув на Таю, и прижала ладони к щекам, будто случилось что-то непоправимое.

7. Репетиция

Лифт в доме, где жил Шурик Корбут, был расположен в стеклянной штоле, протянувшейся по внешней стене от верха подъезда до крыши. На уровне чердака находился подъемный механизм, который громко гудел, когда лифт поднимался или спускался вниз.

На площадке, перед подъемным механизмом, они учились играть на гитарах. Уже выработался некий организационный ритуал этих репетиций: приходя в назначенный час, они вешали куртки на штырек крана радиатора отопления, доставали из чехлов гитары, тщательно протирали грифы носовыми платками и ставили вдоль стенки в ожидании, когда Игорь их настроит. А сами садились рядом на старое бревно, сохранившееся, вероятно, со времен постройки лифта, и разговаривали.

— Знаете, — сказал Игорь, пощипывая струны и подкручивая колки. — Нам без ударника не обойтись. Нашей игре жесткости не хватает.

— Какой игре? Мы еще трех аккордов никак разучить не можем.

Вардзиели стал медленно и неуклюже расставлять пальцы на грифе.

— Вот видишь, — сказал он злобно, — как грабли...

— Автоматизм, наверное, труднее всего выработать. — Подперев подбородок, Андрюша внимательно глядел на Вардзиели.

— Это техника... Это все придет, — сказал Грушко, передавая настроенную гитару Корбуту. — Надо думать об исполнении...

— Мне надо думать об истории, — невесело ухмыльнулся Андрюша Никитин. — Она вчера на Нестеровой остановилась. Точно спросит!

— Да ладно! — с неприязнью отмахнулся Грушко.

— А почему мы тут репетируем, а не в школе? — спросил Вардзиели.

— Потому! — резко ответил Грушко, недовольный, что его перебили. — Пока не научимся, будем репетировать тайно. Ясно вам? И чтобы без трёпки! Работать должны все свободное время... Сто процентов!..

— А уроки когда? — спросил Шурик Корбут. — Если сто процентов?

— Я же говорю — свободное. Учиться мы должны тип-топ, чтобы никто не придрался... А сейчас надо думать только об исполнении... Пальцы — пальцами... А вот что этими пальцами играть. Это вам ясно?

— Мне — нет, — Андрюша выпятил нижнюю губу.

— И мне — нет! — сказал Игорь. — Хотя я что-то чувствую, только сказать не могу...

— Помнишь, как Карл сказал Вардзиели: какая разница между быком и учеником? — расхохотался Корбут. — Бык мычит, когда чего-то хочет, а ученик — когда ничего не знает...

— Кончайте! — оборвал смех Грушко. — Поиграем!

Он взял свою гитару, отдал Андрюше его, попробовал несколько тихих аккордов и сказал:

— Вот, послушайте. Есть такое предложение...

— Эскиз? — спросил Андрюша и встал с бревна, Шурик и Илья тоже встали.

— Даже не эскиз, а так, намек на тему... Импровиз.

Игорь задумался, будто что-то вспоминал, легонько несколько раз тронул струны и запел, негромко, но очень взволнованно:

Сквозь зеленые листья
Я сегодня гляжу на тебя.

Так гляжу,

Чтобы ты,

Чтобы ты,

Чтобы ты

Не только не знала об этом,

Но никогда,

Слышишь ты, никогда!

И представить себе не могла,

Не могла,

Не могла,

Что я долго глядел на тебя,

Сквозь зеленые листья...

Подождал, пока струны еще гудели от последнего аккорда, и зажал их ладонью.

— А на кого это ты глядел? — сказал Вардзиели чересчур громко и тем самым нарушил тишину.

Но ни Шурик, ни Андрюша не хотели выходить из возникшей атмосферы. Они, как от мухи, отмахнулись от Вардзиели.

— Это не я, это песня такая, — тихо ответил Игорь.

— А по-моему, хорошо, — сказал негромко Никитин. — Знаешь, мне правда понравилось... Только почему без рифмы? А кто слова писал?

— Один мой товарищ, — ответил Игорь.

— Какой? — спросил Шурик Корбут, искоса взглянув на Грушко.

— Ты его не знаешь... Из той школы.

— Силен! Вот так написал! Хоть и без рифмы! — Вардзиели в восторге тянул вперед большой палец.

— Давайте, давайте! — ни с того ни с сего заорал вдруг Грушко. — Какого черта, пришли и ничего не делаем!..

Грушко был отвратителен в этом внезапном приступе непонятного гнева. Голос его срываился, и слова произносил он с каким-то уличным, хамским акцентом.

— Чего распиховался? — Тоже сорвался вдруг Шурик Корбут. — Что мы, металлом, что ли, собирать пришли?

— Истерика! — Никитин был скорее смущен, чем возмущен. Он развел руками и сказал, глядя прямо в глаза Игорю: — Ну, чего?..

А Вардзиели, как ни в чем не бывало, взял злополучный миорный аккорд и сказал:

— Слыши, получилось Тонно? — и, не сдвигая с места закованные от напряжения пальцы, взял аккорд еще раз.

Струны гудели довольно стройно. Грушко, побледневший и несчастный от своей мерзкой вспышки, смотрел в мутные стекла окружающие электромотор лифта.

Потом, ни слова не говоря, он взял тот самый миорный аккорд, который демонстрировал Вардзиели, взял каким-то настойчивым, приглашающим к повторению рывком. Все встали подтянувшись, подняли свои гитары, и скоро дружные гармонические всплески заполнили кубатуру площадки и поплыли вниз, волнами спускаясь с этажа на этаж.

А Грушко, задав темп и властно, по-дирижерски наладив звучание сопровождения, вышел сам на мелодию и вдруг... Вдруг оказалось, что четверка играет! Играет дружно, слитно и играет музыку. Это стало всем ясно в единый миг, и поразило всех, и вдохновило, и даже потрясло. Все увлеклись, почувствовали свободу, радость созидаания и принялись касаться струн с той индивидуальной самостоятельностью и элегантностью, о которых еще несколько минут назад никто и не помышлял.

— Сквозь зеленые листья я сегодня гляжу на тебя, — тихонько, исподволь вплелся в музыку Игорев голос. — Так гляжу, чтобы ты... — он словно ткнул подбородком в стоящих вокруг ребят, и, качнув ощетинившейся колками верхушкой грифа, призвал их вторить себе.

— Чтобы ты... Чтобы ты... — дружно сказали они.

Игорь, просияв, улыбнулся.

Вдруг загудели, завертелись колеса и шкивы лифта, и гуд этот, хоть он и не раз повторялся до сих пор и был терпим, на этот раз показался враждебно-неуместным. Певцы огорченно переглянулись и мрачно поглядели на злосчастный подъемный механизм.

Игорь энергичнее задергал струны, повысив голос:

— Не только не знала об этом! Но никогда! — он снова мотнул головой, и ребята снова вступили:

— Никогда...

— Слышишь ты, никогда! — как-то очень лично крикнул Игорь.

— Ни-ко-гда... — эхом откликнулись Шурик, Андрюша, Илья. Близко хлопнула железная дверь лифта, но и это не помешало.

— И представить себе не могла...

— Не могла... Не могла... — вторило ребячье эхо.

— Что я долго глядел на тебя сквозь зеленые листья! — также громко допел Игорь и тихо повторил, почти шепотом: — Сквозь... Зеленые... Листья...

Ребята сняли руки со струн, а Игорь проиграл еще одну пронзительную фразу и издал последний высокий звук, мелко заколыхав упERTым в нижнюю струну на грифе пальцем.

Этот прощальный, дрожащий вопль струны долго гудел в лестничных пролетах, пока не замер.

— Сла-бень-ко... — раздельно сказал Игорь и критически поморщился. — Но ничего... Ничего! — добавил он определенно. — Первый же раз!

— А по-моему, прекрасно! — воскликнул Андрюша Никитин. — Если бы это были не мы, я готов был бы спорить на что хочешь, что это не мы...

— Илья... Вардзик!.. — раздался негромкий девичий голос. — На минуточку...

В середине лестницы, ведущей на площадку, где они репетировали, стояла Таня Закордонная.

Она поманила Илью пальцем. С гитарой наперевес он подошел к ней. Проверив дистанцию, отделяющую их от остальных, она спустилась еще на две-три ступеньки и зашептала:

— Пошли скорее к Суливар, у нее сабантуй... Родители на дачу уехали... Нас с Таней Нестеровой тоже позвали... Давай, Вардзик, без задержки и диски возьми... французские... Ой, как вы поете!

Вардзиели было заколебался, но всегдашая ненасытность к развлечениям загоралась в его глазах.

— А Комаровский там?

— Он меня и прислал.

Вардзиели был польщен и не скрывал этого.

— Только никому не говори... Они сказали, никому не говорить... — прошептала Таня Закордонная.

Он жестом приказал ей уйти и в ответ на ее встревоженный взгляд подмигнул.

— Я пошел, — сказал он, поднявшись, ребятам.

— Куда? — поинтересовался Корбут.

— Надо, — сказал Вардзиели. — А вы еще долго здесь будете?

— Побудем немного, — ответил Игорь после длинной паузы.

— Неожиданные дела? — спросил Никитин.

— Ага, — сказал Вардзиели. — В следующий раз...

— А следующего раза не будет! — резко перебил его Грушко.

— Как?

— Так... Иди... Давай, ссыпь отсюда! — Грушко снова заводился. — Отваливай, слышишь?

Вардзиели спокойно взял гитару под мышку и побежал вниз. Игорь сел на бревно. Рядом с ним уселись Шурик и Андрюша.

— Знаешь, — сказал Шурик тихо. — А я видел, когда ты глядел на нее сквозь зеленые листья... Сквозь фикус... Точно?

8. Квартира Алисы Суливар

Громко играл магнитофон, и ребята — Олег Комаровский, Кэт Горемыкина, Стасик Богорадский, Зорин-Кротов и Таня Нестерова, скинув обувь, «самовыражались» под музыку.

— Ой, мальчики, — сказала вдруг Кэт Горемыкина. — Завтра контрольная по химии. А я ни бум-бум!

— А кто бум-бум? — Зорин-Кротов вяло оглядел танцующих. — Может, отменим?

— Нет, хватит! — Стасик Богорадский даже перестал двигать ногами. — И тогда зря устроили. Марья нам до сих пор не прощала.

На кухне Алиса — хозяйка дома — и Даша Розанова готовили крюшон.

— И чего он их позвал? — пожала плечами Алиса, выковыривая из лоточка кубики льда. — Вардзиели и этих Таны!

Даша Розанова окнула, наколов палец об острую чешуйку ананаса.

— Подруга, ты теряешь проницательность, — сказала она, скривившись не то от боли, не то от неприязни.

Алиса подняла на нее удивленные глаза, но Даша ничего не стала объяснять, даже не посмотрела на Алису, а подхватила поднос с наполненными фужерами и вышла из кухни.

— Даша принесла крюшон! — восхликал Зорин-Кротов, не прекращая танца. — Это очень хорошон!!

— Дегутэ, месье! — Розанова сделала книксен, потом лихоскинула туфли, так что они разлетелись по углам комнаты, и кинулась в танец.

— Дашок, ты к химии готов? — обратилась Нестерова к Розановой.

— Ну да! Либо крюшон, либо химия, середины нет.

— Контрольную будешь писать?

— А куда денешься! Сдеру у Комаровского. Да, Олег?

— Сомневаюсь, — сказал Комаровский врастяжку. — Мне сейчас нельзя давать коготку увязнуть.

— Коготок увяз — всей птичке пропасть! — завопил Зорин-Кротов.

— Вы на глазах меняетесь, Комаровский, — сказала Даша, искаса взглянув на него. — По-моему, вы покачнулись и вам нужен костыль, а?

Олег чуть растерялся, однако улыбка не сошла с его лица. Некоторое время он, прищурившись, смотрел на Розанову.

— Ну и зараза же ты, Дашка! — с удовольствием произнес он. — Не завидую я счастливцу, которому ты достанешься.

— Тебе это не грозит! — рассмеялась Даша и шутя ткнула Комаровского кулаком в живот.

— Эй! — закричал Олег. — В солнечное сплетение! — И, согнувшись в три погибели, дернул Дашу за ноги. Она упала.

— Куча мала! — заорал Зорин-Кротов, обхватил Олега за пояс и повалился с ним на пол, зацепив своей немыслимо длинной ногой Кэт Горемыкину.

Кэт устояла бы, но тут инициативу проявила Таня Нестерова. Она впервые была допущена в это элитарное общество и не знала, как себя тут надо вести, и вдруг такая элементарная возможность слиться с ветеранами. Таня взвигнула, разбежалась и изо всех сил толкнула Кэт. Короче, когда Алиса ввела в комнату Таню Закордонную с Вардзиели, весь личный состав сабантуй валялся на полу. Зорин-Кротов по-пластунски пополз к вновь прибывшим, но Вардзиели, опредив его, схватил девчонок за плечи и с криком: «Bax!!» повалился с ними в общую кучу.

— Ой, как они поют! — восхликала Таня Закордонная, тщетно пытаясь подняться с пола.

— Они еще поют! — зарычал Зорин-Кротов.

— Нет, правда! — настаивала Закордонная. — Прямо как битлы! Или «Песняры»!

— Серьезно? — заинтересованно спросил Олег и встал.

— Вот такой шлягер! — похвалился Вардзиели.

— Спой, — коротко приказал Олег.

— Я еще не выучил.

— Ты никогда не выучишь, — сказала Даша Розанова, как обычно без добра в голосе. — Спой, что запомнил.

— Спой, Вардзик, хоть немножечко, — ласково попросила Таня Закордонная. — А то они не верят.

Вардзиели, сказав «сейчас», ушел в переднюю и вернулся оттуда с гитарой через плечо. Его появление в таком виде было неожиданным, и все заинтересованно притихли.

— Я могу пока только одни аккорды, — предупредил он. — И слова не все запомнил...

— Ладно, не прибедняйся, — сказал Стасик Богорадский. — Давай!

Вардзиели изготовился и взял аккорд — он прозвучал на редкость стройно. Это вселило уверенность, Вардзиели приободрился и запел:

— Сквозь зеленые листья я сегодня... — он пожал плечами, вспоминая слова: — Смотри на тебя. Та-та-та, чтобы ты, чтобы ты ничего об этом не знала... И та-та-та-та-та-та... Не могла... Нет... Но никогда, никогда, никогда... Вот теперь: и та-та-та-та-та не могла, не могла, не могла, что я долго глядел на тебя... Глядел, а не смотрел... Что я долго глядел на тебя... сквозь зеленые листья... — Вардзиели взял громкий аккорд и, подражая Грушко, проговорил речитативом, пока гудели струны: — Сквозь. Зеленые. Листья. — И прижал струны ладонью.

Звуки разом смолкли, и наступила тишина.

— Муты! — вынес короткое решение Зорин-Кротов. — Та-та-та. Та-та-та. Никогда-никогда, лабуда-лабуда... Чушь собачья!..
— Не-ет, — медленно произнесла Алиса. — Нет... Даже в этом дурацком исполнении...

— А когда они вместе поют, — с авторитетом очевидца заговорила Таня Закордонная, — это так здорово! Обалдеть!..

— Мура! — резюмировал Комаровский своим безапелляционным тоном. — Самодеятельность жэка с Малой Грузинской улицы... Да, Вардз, нашел ты себе занятие на старости лет... Ты что, музыкантом хочешь стать?

— Нет, я в Архитектурный, — смутившись, ответил Вардзили.

— Тогда какого же черта, — с неожиданным озлоблением почти продолжал Олег, — нужно четко определить, чего ты хочешь, и уже пилить без остановки. Если уж музыкант — то как битлы, как роллинг-стуны, если архитектор — то как Корбюзье, как Нимайер! Уровень!.. А так... Презираю времяпревохождение!

— Если везде интересно — значит, нигде не интересно, — поддержал Олега Стасик Богорадский.

Вардзили виновато глядел в пол.

— Вообще-то, конечно, да... — промямлил он после паузы. — Я человек очень увлекающийся... А что, вам и музыка не понравилась?

— Да уж, музыку ты выдал настоящую, — с иронией в голосе отозвался Комаровский. — А кто слова писал?

— Он сказал, какой-то хмырь из той школы.

— А по-моему, он сам, — сказал Олег убежденно. — Интересно, на кого это он смотрел сквозь зеленые листья?

— На юродивую, — раздался вдруг жесткий голос Даши Розановой.

— Да брось ты?! — удивилась Кэт Горемыкина.

— И бросать нечего! — отрезала Даша. — Вы что, не видите, как он тает, когда она к нему подходит?

— На то и Тая, чтобы таять! — сострил Зорин-Кротов.

Но никто не засмеялся.

Олег встал и включил проигрыватель. Алиса пригасила верхний свет, и все со стаканами в руках расположились поудобнее. Пел Адамо.

— А знаете, эта Петрова — не такой уж примитив, — сказала вдруг Алиса Суливар. — Как-то иду я по лестнице, слышу — кто-то напевает менуэт Боккерини. Оглядываюсь — Петрова.

— Да, человечек она, наверное, занятный... — раздумчиво сказал Олег, остановившись посреди комнаты.

Он прибавил звук, проигрыватель загромыхал на всю квартиру. Ребята повскакали с мест и начали танцевать. Олег подошел к окну, потягивая крюшон через пластмассовую соломинку. Даша тоже не танцевала, она сидела в кресле и пристально следила за Комаровским.

— А что, Олежек, стоит попробовать, — неожиданно сказала она громко.

Олег вздрогнул и с каким-то даже испугом поглядел на Дашу.

— Ты о чем?

— О том, о том. О том самом, — загадочно улыбаясь, сказала Розанова.

Олег несколько секунд оторопело смотрел на нее, потом сказал без улыбки:

— Ну ты и ведьма...

— Вы про что? — заинтересованно спросила Алиса, которая танцевала со Стасиком Богорадским.

— Да, так... — интригующе проговорила Даша. — Розыгрыш.

9. Репетиция

За мутными окнами помещения подъемного механизма лифта тот же ландшафт, только цвет его стал другим: снег на крышах потемнел, кран почти перекрыли металлоконструкции строящегося здания, мощные сосульки висели на водосточных трубах. Близилась весна. А на самой площадке все по-прежнему. Бревно вдоль стены, на штырьке радиатора висят мокрые куртки, на самом радиаторе сушатся гитарные чехлы.

Ребят трое — Игорь, Шурик и Андрей. На бревне уже не сидят в ожидании, когда Игорь настроит гитары, а настраивают сами, уперевшись правой ногой в бревно и склонив голову к струнам. Наладив инструменты, какое-то время проверяют аккорды, разучивают новые пассажи, прислушиваются друг к другу, говоря: «Ну-ка?» «Еще раз тремоло перед коленом». «Давай вместе переход на коду». «Стокатней, не разыграйся». «Взяли вместе»...

Короче говоря, вполне похоже на заправскую, рядовую музыкантскую репетицию. Да чего там похоже, это и есть репетиция.

— Стоп! Андрюшка, ты полегче вот эту штуку, — и Грушко проиграл басовый переход.

— Так? — спросил Никитин, сыграв по-игоревски.

— Хорэ! Начали... Раз!

Взмах грифа, и пошел проигрыш... Даже вспомнить смешно, что было два месяца тому назад.

Игорь с презрением поглядел на ребят и опустил гитару.

— Ни к черту не годится... Играем, как лабухи в Крыжопо-

ле... Может работать или нет?.. Ум-па, ум-па! — спародировал он духовой оркестр.

Шурик и Андрюша не разозлились, не обиделись, наоборот, лица их стали более сосредоточенными, более внимательными.

— Тут легко сбиться на безвкусицу, — сказал Андрюша. — Тривиальная гармония... Послушай, — он проиграл. — Чувствуешь?

— Я же это нарочно... Тут все зависит от отношения. Относишься как к муре, будет мура, относишься как к Моцарту...

— Будет Моцарт! — усмехнулся Шурик.

Игорь тоже рассмеялся.

— Моцарта не будет, но и того, что ты играл, тоже не будет... Учите, мелодия на грани пошлости, но на грани. Еще разок...

Снова зазвучало бравурное начало, и Игорь запел:

Бабочки, летают бабочки!

В троллейбусе, где плотно

Закрыты все окна.

— Бабочки, летают бабочки! — подхватили на два голоса Андрюша и Шурик.

А утро сегодня не солнечное,
Да и весна задержалась,
Но...

— Бабочки, летают бабочки!

И сонные люди читают
Газеты и книги, не зная,
Что прямо над их головами —

— Бабочки, летают бабочки!

И стоит хоть одному
Оторваться от книжной строчки,
Как он закричит: глядите —

— Бабочки, летают бабочки!

И все улыбнутся, видя,
что в троллейбусе с закрытыми окнами —
Летают, летают летают...

— Бабочки, летают бабочки!

— Потом, Шурик, ты сыграешь свое соло, потом Андрюша пискнет на высокой струне, потом я рвану вот такое арпеджио, — Игорь показал какой-то головокружительный пассаж. — А Шурик тихонько подойдет к микрофону и скажет, просто так скажет, без всякого выражения: — А в троллейбусе ехала ты... И бенз!.. Всё!..

— Бардzo прелестно, панове! — Шурик был доволен.

— Не-e-t! — протянул Андрюша Никитин. — Это как-то суживает тему... Ведь если не будет этого «ты», то мысль становится, ну как бы это сказать... всеобщей... Потому что бабочки в усталом троллейбусе — это действительно хорэ!..

— А Комаровский, гад, говорит, что нам только на свадьбах играть, — сказал Шурик.

Игорь набычился:

— А что этот пижон понимает? — И вдруг улыбнулся. — А что, сыграем и на свадьбах, пожалуйста, если будут платить... Нет, Андрэ, надо говорить: «Ехала ты». Ведь если бы она не ехала, то и бабочки не летали... Верно?

Андрюша покачал головой:

— Нет, если эта песня личная, значит, никто этих бабочек не видит, кроме тебя... Если вдуматься в слова...

— Он прав, — сказал Шурик Корбут. — Я сейчас вдумался.

— Нет, мужики, надо, чтобы она ехала. — Игорь был явно огорчен.

— Ну и пес с ней, пусть едет, только говорить в конце не надо, — сказал Андрюша и, вспомнив, продолжал: — Да, а зачем это нам играть на свадьбах?

— Как — зачем? — не понял Игорь. — Мы же зарабатывать должны?

Андрюша и Шурик насторожились, особенно Андрюша.

— Нам усилители покупать, микрофоны, ударный комплект... Это, знаете, каких денег стоит! Будем играть, заработаем денег, все купим и заживем как люди... Так?

— А правда, — сказал Шурик. — Хватит быть иждивенцами. Мы же свое время тратим, не чужое... Могли бы на каток ходить, телик глядеть, да мало ли, а мы, как приговоренные, сюда и сюда...

— Нет! — Андрюша опять энергично замотал головой. — Я не приговоренный... Мы же ходим... Я, во всяком случае, для своего удовольствия... Мне это жутко нравится, играть, репетировать... Значит, мне будут платить за то, что я наслаждаюсь... Это что-то не так... Это что-то стыдновато, это все равно как...

Но Игорь не дал ему договорить.

— Всё! Сто сорок тактов паузы! Ты сначала играть научись! Дилетант! Хлопаешь по струнам, как тюлень ластами!.. Удовольствие! Радость!.. Заработай сначала хоть копейку своей вонючей игрой, а потом трепись!

Андрюша даже покернел от обиды. Он подумал немного, потом встал.

— Ладно, — сказал он негромко. — Я правда дилетант... Я вам не гожусь... Ведь я и не собираюсь всю жизнь на гитаре играть...

Мне же это правда только удовольствие... Ты прав, стариочек.
Пока!..

Андрюша снял куртку, накинул ее на плечи и не спеша пошел вниз, держа гитару в одной руке, а чехол — в другой.

Шурик Корбут со страхом глядел на уходящего Никитина и не мог выговорить ни слова. Игорь, кусая ноготь большого пальца, казалось, разглядывал пейзаж за мутными стеклами.

— Здравствуйте, Мария Васильевна! — раздался снизу Андрюшин голос. Игорь резко обернулся. По лестнице медленно, прерывисто дыша, шла наверх Мария Васильевна Девятова.

— Ну, вот я до вас и добралась, — сказала она хрипло.

И было непонятно, что именно она хотела сказать, то ли то, что она наконец застигла их на месте преступления, то ли, что она завершила подъем на шестой этаж. Все долго стояли, молча глядя друг на друга, и, поскольку Андрюша стоял рядом с Марийей Васильевной, вышло так, что глядел он на своих бывших друзей, разделенный непроходимой бездной. И от этого стало ему еще горше. Наконец он собрался с силами и шагнул туда, к ним, на репетиционную площадку. И, шагнув, он разом повеселел.

— Вот, значит, где вы проводите все свое время? — сказала Девятова, осматривая площадку, где находились ребята.

— Почему всё? — возразил Никитин. — Только свободное от уроков.

— Я проверила по журналу, отметки у всех вас не хуже январских, но и не лучше.

— Вот видите! — Шурик всегда смел первым.

— Я вижу одно, что этого еще очень мало для поступления в институт. А у меня, как вы знаете, не заведено, чтобы мои ученики не попадали в вузы — это первое. А второе, я хочу вам заявить со всей определенностью, что весьма отрицательно отношусь к этому уличному музицированию, как, признаюсь, и ко всему модному. Я слишком хорошо знаю трагические финалы подобных «милых» забав.

Наступило молчание, угрюмо-надутое молчание... Первым поднял голову Андрюша Никитин.

— Зачем вы обижаете нас? Почему нас всегда хотят обидеть? Потому, что это проще всего, да?

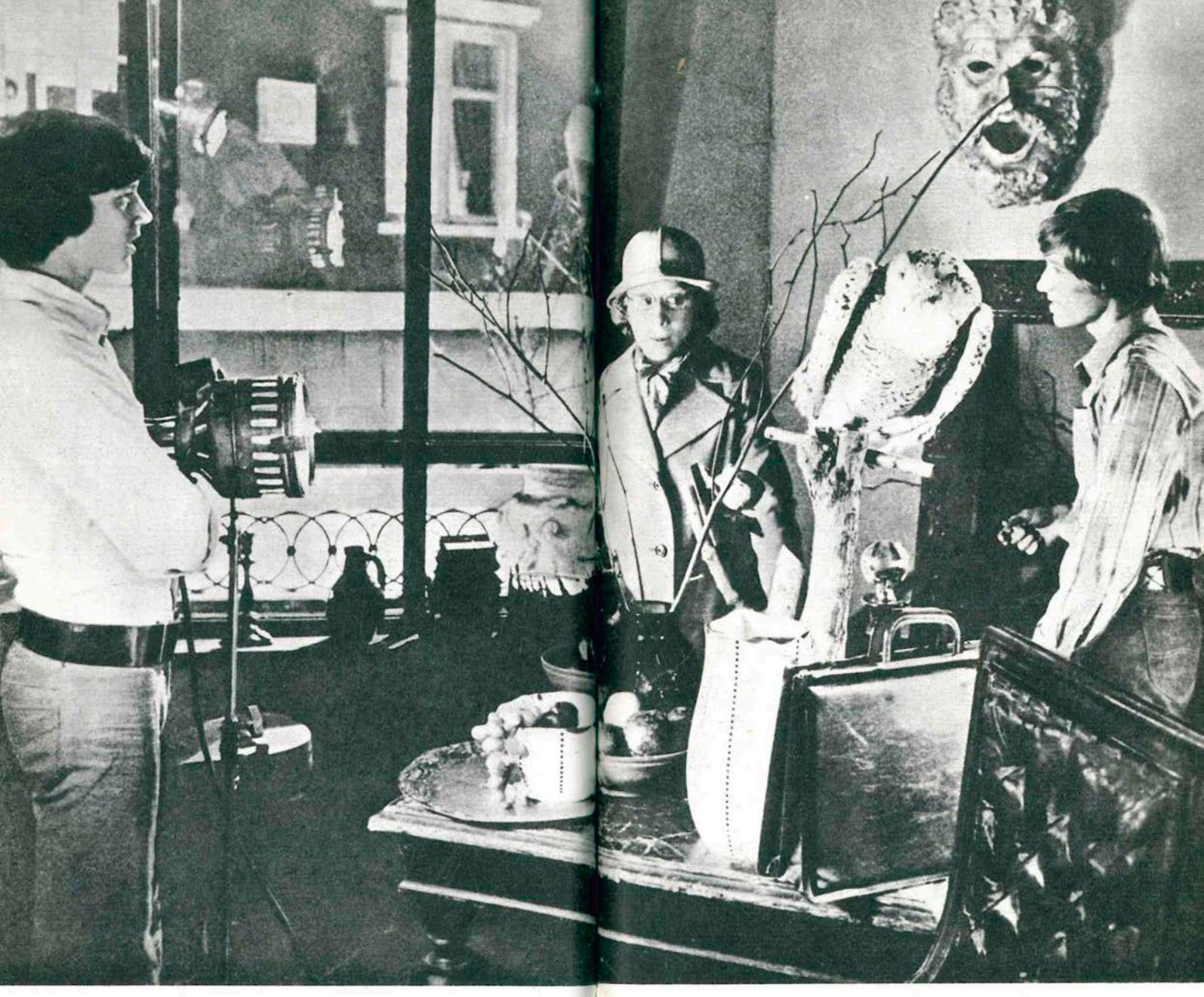
— Вы чрезмерно чувствительны, Никитин, — сказала Мария Васильевна. — Мой тон — это самый простой и, видимо, не лучший способ выразить все мое волнение, всю мою тревогу за вас...

— Мария Васильевна, а от кого вы узнали, что мы тут? — спросил Грушко.

— Секрет полиции! — строго сказала Мария Васильевна.

— Вардзиели настучал! — вспыхнул Игорь. — Я его выгнал за измену, а он месяц за мной таскался, чтобы я его взял назад...

— Вы, видимо, очень плохой, Грушко, если с такой легкостью начинаете дурно думать о своих близких знакомых... Вардзиели — мальчик несобранный, но добрый.

— Нет, Мария Васильевна,— упрямо сказал Грушко,— я знаю, что говорю...

Андрюша взглянул на Игоря печальным взглядом.

— Вам потом будет стыдно,— сказала Мария Васильевна, помолчав.— Уже поздно, а мне предстоит еще проверить шестьдесят две контрольные... Если вам не трудно, покажите мне, что вы делаете?

Грушко стоял, не шелохнувшись, выражение его лица оставалось таким же удрученным. И Андрюша все так же смотрел на него. Один Корбут чувствовал ответственность и беспокойство за всех.

— Давайте...— сказал он.— Давайте сыграем «Бабочек».

Вдруг Грушко встрепенулся и заволновался ужасно. Он нервно потер руки, затем вытер ладони о свитер и взял гитару. Потом он поглядел на Шурика и Андрея. Андрюша не опустил глаз.

— Мне играть?— спокойно спросил он.

Вместо ответа Игорь треснул его по плечу. Потом он схватил куртки, свою и Шурикову, и постелил их на бревно.

— Садитесь, садитесь, пожалуйста,— порывисто, суетливо попросил он.

Все настороженно поглядели на Марию Васильевну.

— Я постою,— сказала она сухо, подумала немного и вдруг усилась на приготовленное ей место.

— Так,— выдохнул Игорь.— Спасибо... Ну, вот... Это песня про бабочек в троллейбусе...

Лицо Марии Васильевны выразило изумление.

Игорь закусил губу, зажмурился и долгий миг молчал, потом взмахнул грифом. Раздались дружные звуки трех гитар. Лбы у ребят были потные, они старались, и свободы не было в их игре.

— Стоп!— сказал Андрюша.— Давайте еще разок,— и опустил гитару.

Игорь было вскинул на него испепеляющий взгляд, но что-то было такое естественное в том, как Андрюша носовым платком вытирая лоб, и такой в этом был покой, что Игорь неожиданно для себя улыбнулся.

— Поехали еще раз,— скомандовал он.

Снова заиграли три гитары, вроде так, как было, да не так — полегче, понепринужденней, и Игорь, облегченно вздохнув, запел:

— Бабочки, летают бабочки...

Они пропели всю песню стройно и весело, и когда подошли к концу, и Шурик сыграл свое соло, и Андрюша пискнул на высокой струне, и Игорь рванул свой головокружительный пассаж, Ни-

китин вопросительно взглянул на Игоря, тот категорически замолчал головой, а Андрюша радостно улыбнулся.

Музыка смолкла. Все глядели на Марию Васильевну.

— Я в этом решительно ничего не понимаю... — подняла она на них вполне серьезные глаза.

10. Улица. Площадь

День 8 Марта выдался солнечным и морозным, и даже без флагов, гирлянд и украшений улица все равно выглядела бы праздничной. По широкому тротуару валила толпа нарядно одетых людей. Среди них шли Олег Комаровский и Тая.

А если бы нам забраться чуть повыше и увидеть улицу на большом протяжении, мы бы, несомненно, обратили внимание на трех подружек, Алису, Дашу и Кэт, которые, скрываясь за спинами прохожих, следили за Олегом и Таей.

Олег то ли знал об этой слежке, то ли догадывался о ней, во всяком случае, он то и дело озирался по сторонам, оглядывался назад, и его нервозность передавалась Тае.

— Что ты все оглядываешься? — спросила Тая, попытавшись проследить за взглядом Комаровского.

— Я? — спохватился Олег. — Да нет... Я вон смотрю — в том доме Алиска Суливар живет. Вон окна с желтыми занавесками. Видишь?

— Ага, — кивнула Тая. — Ты знаешь, я еще никогда ни у кого не была...

— Никогда? — изумился Олег. — Почему?

— Просто меня никто никогда не зовет... Я бы пошла, — сказала Тая тихо-тихо.

— Позовут, — сказал Олег и покровительственно положил ей руку на плечо.

Тая улыбнулась. Несколько шагов они шли молча.

— А ты Алисе нравишься, — сказала вдруг Тая.

Олег искоса быстро взглянул на нее.

— Да ну...

— Она на тебя иногда так смотрит, — повторила Тая серьезно.

— А тебе кто нравится? — Олег поторопился перевести разговор на другую тему. — Грушка?

— Что ты! — улыбнулась Тая. И тут же смущилась. — То есть, конечно, он мне нравится. Игорь очень хороший мальчик. У него такое содержательное лицо...

— А... — скривился Олег. — Неврастеник... Гитарист из подворотни...

— Он не неврастеник, — возразила Тая, — он просто возбужденный. Но это от талантливости.

— Талант — это как раз покой, сосредоточенность, — жестко сказал Олег. — Если есть цель, чего мельтешишься?

— Служенье муз не терпит суеты! — улыбнулась Тая.

— Здравствуйте! С праздником! — перед ними стояли, откровенно фальшиво улыбаясь, Даша, Кэт и Алиса. Почему-то сейчас они шли уже навстречу им.

Олегу стало явно не по себе, но он постарался не подать виду.

— Гуляете? — без улыбки спросил он.

— Как и вы, — в тон ему ответила Горемыкина.

— Пойдемте с нами, — предложила Тая.

— Ну, что вы, что вы! — нарочито ужаснулась Даша. — У вас такой серьезный разговор. Правда, Олег?

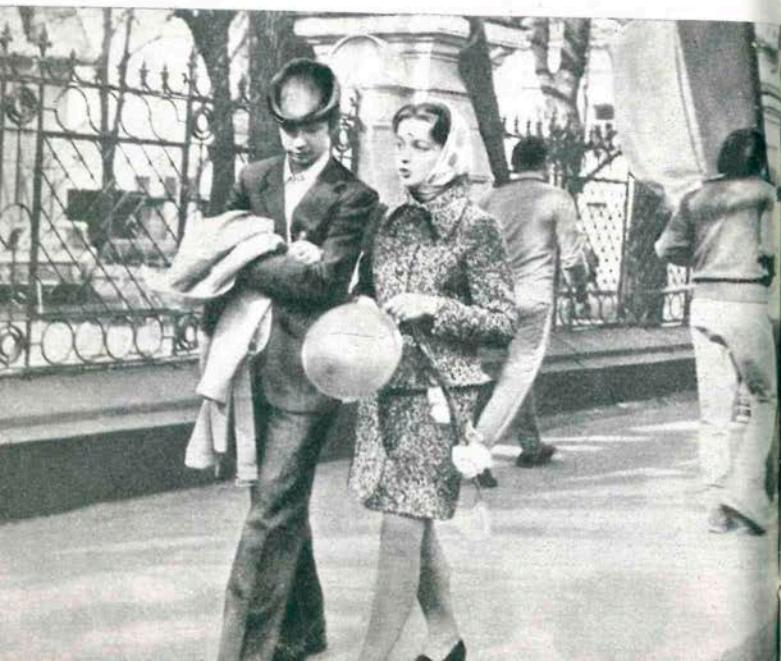
Комаровский молчал, зло глядя на Розанову.

— Пойдемте, девочки! — тем же оживленным тоном продолжала Даша. — Не будем мешать их тет-а-тету.

И девочки со смехом упорхнули.

Олег заставил себя не посмотреть им вслед, а наоборот, повернул голову в другую сторону и неожиданно уперся взглядом в Таину отражение в зеркальной витрине. И то, что он увидел там, решительно не понравилось Олегу. Тая со своим замотанным горлом, перепеленутая шерстяным платком, выглядела жалко, как после болезни. И Тая тоже смотрела на свое и Олегово отражение и вдруг спросила:

— Тебе стыдно идти со мной?

— Да что ты! — даже вздрогнул Комаровский. — Пошли газы, ровки выпьем!

Тая помолчала, успокаиваясь, и сказала:

— Ты пей, я не буду.

— Почему? Нельзя?

— Нет, можно, только я пузырьков боюсь.

— Чего? — рассмеялся Олег.

— Понимаешь, — сказала Тая вполне серьезно, — мне кажется, что с этими пузырьками в меня входит какая-то чужая соленая сила, мне совсем не нужная...

Олег взглянул на нее с изумлением:

— Ну, ты и человечек!.. С ума сойти...

Тая повернулась, и лицо ее расплылось в улыбке — поперек широкого тротуара, семена ногами, почти бежала шустрая старуха, таща перед собой нарядный джазовый барабан. Два других барабана стояли уже у края тротуара, там, где тянулась вереница снежных сугробов, а один, самый толстый, еще находился под зеркальной витриной музыкального магазина.

— Во дает! — расхохотался Комаровский. — Барабанщица из джаза пенсионеров!

— Ой, знаешь, — воскликнула Тая, приглядевшись. — По-моему, это бабушка Вардзиели... Ей надо помочь, Олег!..

И, не дожидаясь ответа Олега, она побежала к старухе. Комаровский удивленно взглянул ей вслед, попереминался с ноги на ногу и вяло поплелся за нею.

Бабушка Вардзиели шарахнулась в сторону и, покосившись на ребят отнюдь не добрым глазом, испуганно-хрипло прошептала:

— Что надо?.. Что надо?

Олег толкнул Таю локтем и сказал с отвращением:

— Да ну ее! Еще подумает, что барабаны хотим спрететь!

— Не говори глупости! — быстрым шепотом ответила Тая. — Здравствуйте, мы из класса, где учится Илья... Разрешите нам помочь?

И Тая вопросительно посмотрела на старуху.

— Уходите, жестокие дети, справлюсь без вас! — гортанно-резко выкрикнула она. — Зачем вы так мучаете Илюшу?

Олег и Тая переглянулись.

— Я буду жаловаться Марии Васильевне... Как же можно так бесчеловечно обращаться с живым человеком? Человек — товарищ и брат... Иди, неси тот инструмент! — скомандовала она Олегу, кинув на барабан у витрины. Олег побежал, старуха же, едва переводя дыханье, продолжала атаковать Таю. — Где же он тебе брат, злая девочка, где — товарищ?.. Подумаешь, один раз ушел? Bax!..

Олег бегом приволок толстый, сверкающий малиновым перлам

утровым телом, глухозвучный барабан. На бегу он легонько ударили в шкуру согнутыми пальцами.

— Оставь, не порть! — крикнула старуха. — Мало вам, что вы замучили Илюшеньку... Ой, как он убивается, Илюшенька, если бы вы только видели!..

Произнося все так громко, что прохожие оглядывались, к большому смущению ребят, бабушка Вардзиели беспрерывно вскидывала руку, пытаясь остановить хоть одну из проносившихся мимо машин, обдававших ее мокрым снегом. При очередной неудаче она бросала на Таю и Олега испепеляющий взгляд и выкрикивала:

— Стой, жестокий шофер!.. Остановите его, жестокие дети!..

Тая и Олег принялись махать руками, Олег даже стал свистеть, как голубятник, но тщетно...

— Вот вы нас ругаете, — говорил Комаровский между свистами, — а мы к этому никакого отношения не имеем.

— Конечно, не имеете! —sarcastично подхватила старуха. — Вы злобная шпана! Нужна была гитара? Есть у него гитара! Нужны барабаны? Вот его барабаны!.. Эй! Эй! Товарищ, остановитесь!

Проезжавший мимо пикап затормозил и, обнаружив в боковом стекле смеющееся лицо водителя, стал круто забирать к тротуару. И тут и бабушка, и Тая, и Олег, подхватив все ударные инструменты, кинулись к пикапу, словно боясь, что кто-то перехватит у них вожделенную машину.

— Bax! Будьте вы счастливы! — выкрикнула на прощанье бабушка и села в кабину.

Пикап умчался, сверкая барабанами, а Тая и Олег двинулись дальше.

— Маразм! — с неожиданной яростью сказал Олег, глядя вслед умчавшемуся пикапу. — Но Вардз — хороши!.. И за нас цепляется и от Грушко не отлипает...

— Ну, почему? — вступилась за Вардзиели Тая. — А если ему все интересно?

— Все хотеть — значит не хотеть ничего! Ненавижу всеядность! Тая с удивлением, даже с каким-то страхом поглядела на Олега.

— А ты злой... — сказала она, пытаясь интонацией смягчить обидность фразы.

— Ну, конечно, я злой! — Олег почти кричал. — А вот бабка — добрая! И теперь вместо того, чтобы делом заниматься, Вардзиели будет по барабанам колотить! И все довольны! Вся эта ваша доброта от слабости, от страха кого-нибудь обидеть! Мы все еще только готовимся жить, а нам уже пора занимать свое место в жизни. Надо научиться выбирать!.. Ну, неужели непонятно? Я всегда мысленно вычерчиваю график, что когда должно случить-

ся, и, если вдруг какая-то муть лезет в мою жизнь и все путает, я прямо зверею...

Тая со смешанным чувством испуга и восхищения смотрела на разошедшегося Олега.

— Какой ты разумный-разумный! — сказала она, и непонятно было — порицание это или похвала.

— Разумное существо и должно быть разумным, — иронично усмехнулся Олег.

— Не умный-разумный, как в сказках, — Тая подхватила его тон, — а разумный-разумный... Это совсем другое дело...

Все громче и громче слышались звуки духового оркестра.

— Слышишь? Что там? Пойдем, пойдем скорей, я так люблю такую музыку! — воскликнула Тая и заспешила к перекрестку.

Они подошли вплотную к толпе и поднялись на цыпочки. Через головы впереди стоящих им стали видны танцующие пары и небольшой заводской оркестрик под управлением трубача, который, самозабвенно выдувая удивительные трели, одновременно дирижировал, ритмично покачивая раструбом своей трубы.

Тая, счастливая от вдруг случившегося праздника, словно данного ей в награду за что-то, обернулась к Олегу, призывая пробиваться вперед, и неожиданно перехватила его удрученно-печальный взгляд, направленный на музыканта. Дирижер тоже, видимо,

почувствовал взгляд на себе, продолжая играть, пошарил глазами в толпе, увидел Олега, и лицо его осветилось улыбкой.

Комаровский порывисто схватил Таю за руку, рванул ее, чтобы вывести из толпы, но вдруг остановился, выпрямился во весь рост и улыбнулся дирижеру. Улыбка вышла извинительно-жалкая. Тая с недоумением смотрела на Олега.

— Ты что, его знаешь? — спросила она.

— Да, знакомы, — невнятно ответил Олег. — Ну, пошли...

С минуту они молча шли по улице, Олег — впереди, Тая — чуть отстав. Потом Олег остановился, обернулся лицом к Тае и посмотрел ей прямо в глаза.

— Да... Стыдно обнаруживать в себе такое качество... — сказал он с какой-то болезненной улыбкой.

— Ты о чем?

— Я сейчас повел себя как жалкий трус. Это не знакомый... Это мой отец.

У Тая даже дыхание перехватило.

— Ты стыдишься, что твой отец музыкант?

— Да какой он музыкант! — уже с раздражением вскинулся Олег. — Он инженер... И неплохой, между прочим.

11. Квартира М. В. Девятовой

Это была новая однокомнатная квартира в шестнадцатиэтажной башне. Видимо, вся немногочисленная мебель из комнаты, где Мария Васильевна жила прежде, полностью перекочевала сюда, на десятый этаж, вплоть до темной, изогнутой, как виньетка, старинной качалки, доставшейся Марии Васильевне от ее мамы, а то и от бабки. И тем не менее в расстановке вещей были покой и ненарочитость, а дикое, на первый взгляд, соседство телевизора с никелированной кроватью, окруженной деревянной ширмой, не выглядело курьезным.

Тридцать два групповых снимка выпускных классов полностью закрывали одну из стен. Это были фотографии всех тех, кого вывела в люди Мария Васильевна Девятова. Тая Петрова переходила от снимка к снимку, с интересом и удивлением разглядывая их. Раздался звонок во входную дверь. Тая пошла открывать. На пороге стоял Игорь Грушко.

— Петрова? — Игорь обалдело смотрел на нее. — Кто тут живет? — Он полез в карман за адресом, сверил запись с номером квартиры. — Все точно... Что ты тут делаешь?

— Тебя жду, — улыбаясь, ответила Тая. — Ну, что ж ты не входишь, входи!

Но Игорь не двигался с места и тупо смотрел на Петрову.

— Это правда ты или мне кажется? — Грушко протер глаза.

— Правда, можешь потрогать,— Тая засмеялась и протянула Игорю руку. Тот пожал ее.

— Мистика какая-то! — тоже рассмеялся Игорь. — Я только что о тебе думал, и вдруг...

Он наклонился и взял прислоненный к стене возле двери длинный черный футляр и еще какой-то продолговатый предмет, потом вошел в прихожую.

— А Марья здесь? — спросил он тихо.

— Сейчас придет. Она в булочную зашла. А что это ты принес?

— Что, что? Гитару и усилитель.

— А... — понимающе сказала Тая. — Будешь убеждать искусством?

— А ты откуда знаешь?

— А я здесь в качестве музыкального эксперта, — иронически улыбнулась Петрова. — Меня Марья Васильевна специально пригласила.

— А ты в этом что-нибудь понимаешь? — недоверчиво посмотрел на нее Грушко.

Тая пожала плечами.

— Вообще-то я до четырнадцати лет училась в музыкальной школе.

— Ну! — обрадовался Грушко. — Тогда помогай! Старуха в этом деле не счесть, мы ей уже один раз пели — и мимо.

— Я постараюсь... — неуверенно сказала Тая. — Только если мне на самом деле понравится...

— А если не понравится, то молчи! Поняла? — возбужденно говорил Игорь, ползая вдоль стен в поисках розетки.

Он подключил усилитель и поднялся с пола, отряхивая колени.

— Это что, выставка «История образования в России»? — насмешливо спросил он, скользнув взглядом по фотографиям на стене.

— Это все ее ученики, — ответила Тая, не поддержав шутки.

— Что это ты так торжественно говоришь?

— Знаешь, — сказала Тая, не обращая внимания на Игорево балагурство, — всякий раз, когда я их вижу, у меня дыхание перехватывает...

— Уй, какие чудные ребята! — воскликнул Игорь, разглядывая фотографии. — Прямо из другого века... Питекантропы и неандертальцы...

— Ну и пусть... А у меня тут свои друзья есть... — сказала Тая. — Вот этот мальчик, и этот, и вот эта девочка, и эта с косой, ее я больше всех люблю...

— И как же вы дружите? — спросил Грушко.

— Так и дружим, — ответила Тая. — Я им рассказываю, как мы живем, а они мне — как они...

— Ну и как? — Грушко был интересен начавшийся разговор.

— Обычно, если не считать всяких исторических перетурбаций... А в общем, как и мы... Танцуют они, правда, по-другому, одеваются по-другому, едят поуже нас... Вот видишь, какие голодные глаза... А так все то же... Я раньше думала, что нет, а теперь думаю, что да... Знаешь, наверно, и Пушкин в лицее тоже такой же был, как мы, только гениальный...

— Здорово!

— Что здорово? — спросила Тая.

— Рассказываешь здорово! А сколько их здесь всего?

— Почти тысяча, — сказала Тая. — Тридцать два класса.

— Хохма! — воскликнул Грушко. — Целый батальон! Девятовский батальон!.. Колossalno!.. А сколько ей лет?

— Скоро пятьдесят пять... Двадцать седьмого.

— Этого месяца? У-у-у! Какая она старая! А так не скажешь... Слушай, Петрова, как ты думаешь, как нам называться?

— Кому — вам?

— Ну, нашей группе.

— А что — Грушко, Корбут, Никитин — этого мало?

— Даже много! — улыбнулся Игорь. — Но так получается, что мы все по отдельности, а надо, чтобы были вместе... Ну там... «Голубые гитары», «Поющие гитары», «Красные гитары», в общем всякие гитары... Но ведь играют и поют люди... Вот мы и думаем назвать нашу группу — «Люди»... — Игорь выжидающе поглядел на Тая.

— Не знаю... — задумалась Тая. — По-моему, немного претенциозно...

— Ну и пусть! — разочарованно буркнул Грушко. — Зато по мысли правильно.

Игорь вдруг вскочил со стула и по-школьному вытянулся. В двух руках стояла Мария Васильевна.

— Не обессудьте, что я не встретила вас, Игорь, — сказала она. — Совершенно неожиданно выяснилось, что в доме нет сахара, — добавила она со смущенной улыбкой. И уже привычным авторитарным девятовским тоном распорядилась: — Сейчас будем пить чай!

Тая взяла у Марии Васильевны тяжелую сумку и ушла с ней на кухню. Девякова с неприязнью оглядела принесенные Игорем инструменты.

— Это все ваше?

— Мое, — извиняющимся тоном сказал Грушко.

— Не могу вам сказать, Игорь, — Мария Васильевна печально покачала головой, — как все это меня тревожит!..

— Да почему?! — голос Игоря зазвенел от волнения. — Вот послушайте, что здесь тревожного?! — он отщелкнул крышку чер-

ного футляра, вытащил свою новую инкрустированную рогатую гитару.— Вот послушайте, пожалуйста!

Он накинул ленту на плечо и, прежде чем Мария Васильевна успела что-либо сказать, запел:

Спеши прочесть как можно больше книг,
Спеши потрогать клейкий лист березы,
Спеши поймать восхода солнца миг
И осушить спеши девчонке слезы.

Спеши на помощь, если ждут тебя,
А коль не ждут, спеши прийти незваным,
Ведь лучше появиться слишком рано,
Чем поздно или вовсе никогда.

Спеши в атаку, если пробил час
И прокричали боевые трубы.
Спеши быть мужественным, но не грубым,
И раздели, что спрятал про запас.

Не поддавайся злу и зря не злись.
Спеши поспорить, если мыслишь розно,
Спеши, но никогда не торопись
Стать человеком, а не просто взрослым...

Грушко поднял голову и поглядел на Марию Васильевну, неподвижно сидящую на стуле, и Таю, застывшую в дверях.

— Ну, что?— спросил он, с тревогой глядываясь в их лица.

— Что вы думаете, Тая?— спросила Мария Васильевна.— Вам это должно быть ближе...

— Я просто поражена!— ответила Тая.— А чья это песня?

— В каком смысле?— угрюмо буркнул Грушко.

— Кто ее написал?

— Мы.

— Все?

— А мы неразделимы.

— Мне кажется,— Мария Васильевна понравился этот ответ Грушко,— что надо «выходить из подполья». Все шушукаются, ползут слухи... Я договорюсь с директором. Вам надо репетировать в школе. Это удобней и естественней.

— Нет!— горячо перебил ее Грушко.— Пока не надо! Рано. Мы сами придем, когда хоть что-то получится.

— Прийти, поразить и победить?

— Да!— почти выкрикнул Грушко.

Лицо Марии Васильевны приобрело то выражение, что было неизвестно, сочувствует она Грушко или возражает ему. Она прошлась в раздумье по комнате, с осторожностью переступая через натянутые электрические шнуры, зачем-то провела пальцем по лаковой поверхности усилителя, потом сказала:

— Вот, послушайте, Тая, что я хотела сказать Грушко. Я подчеркиваю «хотела», потому что после этой песни у меня несколько изменилось отношение. Несколько, но не более того! Я ненавижу видимость деятельности. Ненавижу, когда люди заняты какой-то чепухой, но убеждают и себя и других, что это значительное и серьезное дело, шаманствуют и голосят на всю округу, что им, дескать, доступно и открыто то, что другим, так сказать, менее возвышенным натурам, и невдомек! А на самом деле все это не стоит и выеденного яйца... Понимаете, что я имею в виду?

Грушко помолчал, пожевал губу и сказал:

— Понимаю, но это не так... Во всяком случае, у нас... Честно — не так! Это не видимость деятельности, это... Ну, как бы это сказать... Потребность души...

— Ох, Игорь, бойтесь этого определения... Сколько мерзости слабые люди оправдывают потребностью души...

— Я не слабый,— сказал Грушко, строго взглянув на Марию Васильевну.

— Понадеемся на это... Но сердце у меня неспокойно... Ведь вы не один. С вами Корбут, Никитин, Вардзиели...

— Нет, Вардзиели не с нами! С ним кончено!— отрезал Грушко.

В это время на балконе показалась маленькая, согбенная фишка в длинном купальном халате и меховой накидке, закрывающей голову и плечи. Она осторожно поскребла ногтем по стеклу.

— Ой!— испуганно шарахнулась Тая.

Девятова приоткрыла балконную дверь. Соседка с нескрываемым испугом и любопытством заглянула в комнату.

— Мария Васильевна, ради бога, что у вас происходит?— сказала она.— Что за Содом и Гоморра? Я думала, или вы поменяли квартиру, или я сошла с ума!

— Ничего особенного. Я беру уроки игры на гитаре, Фира Соломоновна,— без тени улыбки объяснила Мария Васильевна.

— Я вас умоляю...— с тревогой проговорила соседка.

— А что?..— невозмутимо продолжала Девятова.— Я буду играть на гитаре, а вы, Фира Соломоновна,— петь.

Соседка некоторое время таращилась на Марию Васильевну и вдруг расхохоталась, заухав, как филин. Она обняла Девятову за плечи и повела ее по балкону к себе.

— Мы немного порепетируем,— на ходу бросила Мария Васильевна ребятам.

— А Марья — ничего, с юмором,— с долей удивления сказал Грушко.

— Слушай, а почему ты так невзлюбил Вардзиели? — спросила Тая.

— Потому что он предатель! Сбежал с первой же репетиции. И к кому — к Комаровскому, к нашему первому врагу!

В лице Тая сразу появилось какое-то напряженное выражение,

— Олег не враг, — сдержанно сказала она. — Просто он, как и Марья Васильевна, считает, что это пустая трата времени.

— Да перестань! — отмахнулся Грушко. — Он одного боится — что класс перестанет под его дудочку плясать!

— Пожалуйста, не говори так при мне об Олеге, — Тая даже побледнела. — Что ты о нем знаешь?! Он личность! Я с ним другу! И горжусь..

Грушко сорвался с места, заметался по комнате, схватил гитару, футляр, усилитель и бросился в переднюю. На пороге он обернулся.

— Эх, ты!.. — и побежал вниз по лестнице.

Вернулась в комнату Девятова, спросила удивленно:

— А где же Игорь?

Тая молчала.

12. Учительская, коридор третьего этажа

Предупредительный звонок был уже дан, учителя, разобрав классные журналы, ожидали звонка на урок, когда в учительскую вошла завуч Калерия Георгиевна.

— Мария Васильевна, вы мне можете объяснить, что это такое? — Калерия Георгиевна возмущенно протянула Девятовой какое-то письмо.

Мария Васильевна прочитала вслух:

— «Комитет комсомола завода «Тизэлектро» просит откомандировать группу «Люди» такого-то числа для обслуживания комсомольской свадьбы... Оплата по соглашению».

— Что это такое? Вы мне можете сказать? — повторила завуч официальным тоном.

К их разговору заинтересованно прислушивались все, кто находился в учительской. Мария Васильевна молча перечитала письмо.

— Наши мальчики, которых мы ведем с первого класса, — таперы на свадьбах!.. — Калерия Георгиевна так разгорячилась, что говорила сама, не давая произнести ни слова Марии Васильевне. — Они, видите ли, уже популярны в каких-то кругах... Они кому-то известны... Их приглашают...

— Кто бы мог подумать! — воскликнула молоденькая историч-

ка. — Корбут, Никитин — такие милые мальчики... Да и этот, Грушко, производит совсем неплохое впечатление... Правда, он слишком нервен... И дико обидчив... Вы не находите, Карл Сигизмундович? Господи, до чего же мы их, оказывается, не знаем! Какая двойная жизнь...

— Почему двойная? — химик оторвался от чтения каких-то инструкций, прикопленных к стене. — Самая что ни на есть ординарная, по нынешним временам... Если я действительно чего-нибудь не понимаю, то это то, когда же они все успевают?.. Занятия музыкой требуют прорву времени. Я тоже играю, не на гитаре, правда, а на концертине — такая маленькая гармошечка... Одно не может не идти в ущерб другому.

— У вас есть к ним претензии по успеваемости? — спросила Руфина Аркадьевна. Она, сидя за столом, разграфляла лист ватмана.

— У меня — нет! — оглянулась на эстетичку преподавательница истории.

— Что значит — претензии? — поморщился Карл Сигизмундович. — Уровень требований очевиден, так что все в ажуре. Химией в дальнейшем никто из них заниматься не собирается, насколько я могу судить...

— Но деньги.. Зачем им нужны деньги? — Историчка оглядела всех, находящихся в учительской.

— А вам они не нужны?

— Карл Сигизмундович, я попрошу вас!.. — вспыхнула историчка. — Они же еще дети!.. В их годы я понятия не имела о кафе... В первый раз я попала туда на третьем курсе...

— Я понимаю, когда разговор идет о зарплате в стройотрядах старшеклассников, — снова включилась в разговор Руфина Аркадьевна. — Это, так сказать, материальное выражение нравственного итога трудового воспитательного процесса. Общественное поощрение, если хотите...

— А вы полагаете, что игра на гитаре не трудовой процесс? — поднял на нее смеющийся глаз Карл Сигизмундович.

— Вы отлично понимаете, что я хочу сказать! — В голосе Руфины Аркадьевны послышалась обида.

— То, что они играют не в подворотнях, уже требует поощрения, на мой взгляд, — сказал химик.

— Товарищи, не будем устраивать дискуссию, — все это время Калерия Георгиевна нервно искала что-то в своем столе и прислушивалась к спору учителей. — Звонок был, идите в классы. Мария Васильевна, вы задержитесь... Как же вы могли не знать об этом, Мария Васильевна? — спросила завуч, когда учителя вышли. — Я просто ума не приложу...

— Я знала, Калерия Георгиевна, — ответила Девятова совершенно спокойно. — Правда, как теперь выясняется, не все...

— Как же вы могли умолчать об этом, Мария Васильевна! — воскликнула Калерия Георгиевна, всплеснув руками. — Как?

— То, что Грушко, Корбут и Никитин играют на гитарах, знали все и вы в том числе, Калерия Георгиевна. Новым обстоятельством являются деньги. Это действительно сложная проблема... Надо серьезно подумать. Я еще не знаю, как к этому отнестись.

— Их родители в курсе?

— Насчет денег — не знаю, а насчет гитар — в курсе. И очень удручены...

— Вот видите? — воскликнула Калерия Георгиевна. — А что будет, когда они узнают про «оплату по соглашению»?.. Что нам делать, Мария Васильевна? Как реагировать?

— Не знаю, Калерия Георгиевна, — ответила Девятова, потерев переносицу. — Пока не знаю... Я еще не могу определить, зло это или добро. Но гитары и песни — реальный факт нынешней жизни, и с ним школе не считаться нельзя... Нельзя, даже если в нашей практике нет критерия для его оценки...

— И что же вы предлагаете? — Калерия Георгиевна снова официальным глазом взглянула на Марию Васильевну.

— Не спешить, Калерия Георгиевна. Давайте не спешить.

— Ох, боюсь, мы что-нибудь пропустим...

— Постараемся не пропустить... Я пойду. Я не привыкла опаздывать.

И Девятова отвернулась от завуча, которая стояла, прижав ладони ко лбу, словно у нее внезапно страшно разболелась голова. Мария Васильевна отворила дверь и вышла.

А по коридору, навстречу ей, не торопясь, шел Олег Комаровский. Увидев Девятову, он припустился, будто бежал всю дорогу.

— Мария Васильевна, — сказал он, задыхаясь. — А мы уж беспокоились, что случилось? Уж не заболели ли вы?

— Нет, я здорова.

Мария Васильевна быстро шла по коридору. Олег шагал рядом и прицеливался начать разговор. Девятова заметила это и спросила:

— Вы что-то хотите мне сказать?

Какую-то секунду Олег колебался — говорить, не говорить, потом решился и осторожно начал:

— Мария Васильевна, помните, вы нам тогда поставили колы?

— Помню.

— А он будет иметь значение для полугодовой оценки?

— Несомненно. У вас выйдет четверка.

Олег побледнел и заговорил непривычным для себя суетливым, просительным тоном:

— Мария Васильевна, но это же чепуха! Ну, правда, чепуха!.. Это шутка! Дурацкая, конечно... Что же мне за нее теперь всю жизнь расплачиваться?..

— Расплатитесь вы один раз. Но запомните на всю жизнь. И именно потому, что расплатитесь.

— Я уже запомнил, Марья Васильевна! Честное слово! Я больше никогда не буду! — Олег смущенно улыбнулся, надеясь вызвать ответную улыбку Марии Васильевны. Но ее не последовало.

— Я уже высказала тогда на уроке свое отношение к этим невинным шуткам, — мягко, но очень серьезно сказала Девятова. — Мне очень жаль, Олег, что вы попали в число наказанных, но даже ради вас я не могу изменить своим принципам.

И Мария Васильевна отворила дверь класса.

— Но самое смешное, что к контрольной-то я был готов.

— Вы находите это смешным? — спросила Мария Васильевна и вошла в класс.

13. Физкультурный зал

— А ну-ка... юноши и девушки, сосредоточимся на элегантности... — журчал преподаватель физкультуры. — Так, животики подберем, грудки — поднадуем, плечики — подразвернем, ко-

леночки — пододвинем, головочки — юноши, как Марлон Брандо, девушки, как Бриджитт Бардо...

И надо сказать, что все ребята, хоть и откровенно потешались над этими командами, все же поднадували, подбирали, подразворачивали, уж очень всем хотелось походить и на Марлона Брандо и на Бриджитт Бардо.

— Ну, вот... — продолжал физкультурник. — Совсем другое общество... Никого не узнаю... Звезды экрана! Кто вы, прелестная незнакомка? — спросил он, подойдя к Даше Розановой.

— Это Тая Петрова! — сказала Алиса Суливар, и зал задрожал от хохота.

— Тыфу! Типун тебе на язык! Высказалась... — разозлившись, буркнула Даша.

— Чего это ты взвилась? — спросила Кэт Горемыкина. — У Комаровского другое мнение... Да, Олег? — подмигнула она Комаровскому.

— Что? — Олег чуть высунулся из строя.

— Ничего... — нарочито лукаво потупилась Кэт.

Стасик Богорадский, стоящий рядом с Олегом, толкнул его в бок:

— Это они насчет тебя с Петровой. Как там у тебя дела?

— Нормально, — небрежно ответил Олег, давая понять, что не хочет говорить на эту тему.

— А то уже девчонки икру мечут, боятся, что ты влип по-настоящему, — не унимался Стасик. — Смотри, старик...

— Смотрю, — сухо отрезал Комаровский и прищуренным глазом взглянул на Дашу. Та улыбнулась и, приложив пальчик к губам, послала Комаровскому подобие воздушного поцелуя. Олег сжал кулак и погрозил Даше, а Даша изобразила, что она ужас как напугана. И оба рассмеялись.

Физкультурник, не поняв, что произошло, не стал вдаваться в подробности, а почел за благо навести порядок волевым способом:

— Рррравняйся!.. Смиррррн!.. Вольн!.. Девушки, к разновысоким брусьям. Юноши, к коню... Юноши напра... Девушки нале... Эластичным шагом. Во!.. По снарядам разойдись!

Обе команды разом двинулись «эластичным шагом» к гимнастическим снарядам.

— Диктую упражнения юношам, — объявил физкультурник. — Взяться за ручки, подскок прогнувшись, зафиксировать прогиб, сгруппировавшись, перенести корпус, сосок прогнувшись, и мертвко стать на мате. Ясно? — невнятной скороговоркой отбара-банил он.

— Нет! — хором крикнули мальчики.

Физкультурник изобразил на своем лице глубокое разочарование.

— Я запомнил. — И Комаровский отрапортовал: — Подскок прогнувшись, зафиксировать прогиб, сгруппировавшись, перенести корпус, сосок прогнувшись. Все!

— Отлично! Приступайте к работе. Желаю успеха! — физкультурник четко повернулся «кругом» и пошел «эластичным шагом» к разновысоким брусьям, на которых весьма ловко разминалась невысокая, складная девушка.

Ребята уселись рядом на узкой скамейке, стоящей вдоль шведской стенки.

— Игорь, — тихо сказал Андрюша Никитин. — Кончай упираться, поговори с Вардзом... А то, правда, нехорошо... Какое-то высокомерие...

Грушко потупился и упрямо молчал.

— Если бы ему было наплевать, — продолжал шептать Никитин, — он бы и наплевал... А он же не наплевал, значит, в нем желания по количеству больше гордости... А они жутко горды... Знаешь, Груша, какие ему бабушка барабаны отхватила? Югославские! Полный комплект...

Грушко взглянул на Андрюшу и улыбнулся. Никитин почувствовал, что лед тронулся.

— Возьми его назад, Груша... А?

— Почему возьми? А вы что, пешки?

— Я «за». Я очень «за»! — с жаром сказал Андрюша Никитин.

— Шурка! — позвал Игорь.

— Корбут! — шепотом добавил Андрюша и тихо свистнул.

— Чего?

— Бабка Вардзу ударные купила, — сказал Грушко нейтральным тоном.

— Вот такие! — Шурик поднял большой палец. — Мировой стандарт.

На коне теперь упражнялся Стасик Богорадский, а Зорин-Кротов, подойдя к Олегу, показал ему глазами на оживленно болтающих Грушко, Никитина и Корбута. Зорин-Кротов подмигнул и тихонько запел на частушечный мотив:

Нас на свадьбе, где играли,
Провели, как дураков,
Только струны все порвали
И ушли без пятаков!

Все сидевшие на скамейке фыркнули. Игорь поднял голову, закусил губу и хотел было встать, но его удержал Андрюша.

— Ладно, — твердо сказал он. — Сиди, понял.

— Юноши! — раздался от брусьев голос Иннокентия Сергеевича. — Дисциплинка!..

Сидящие на скамейке перестали смеяться и замолкли.

— И все-таки,— прошептал Игорь,— в этом есть что-то паршивое.— Он кивнул в сторону Вардзиели.

Шурик и Андрюша повернулись к нему.

— Не брали, не брали, а появились барабаны — взяли... Знаете, пусть он продаст барабаны, тогда мы его возьмем, а ударные потом ему сами купим... Вот так...

— Клёво! — сказал Шурик.

— Таких барабанов нам не купить, их днем с огнем не найдешь... Знаете? — Никитину пришла в голову счастливая мысль.— Давайте считать, что барабаны не у вардзиковой бабки, а у какой-то чужой бабки. Мы возьмем его без барабанов, просто так, а потом ей за барабаны заплатим. Точно?

— Ты, Никитин, гений! — Корбут был потрясен.

— Отлэ! — Грушко вытянул шею так, что его голова вылезла впереди ряда сидящих.— Илья!.. Вардзиели!

Вардзиели поглядел на Грушко и все понял. Он вскочил как встрепанный, поднял руки, затряс ладонями, проделал ногами какое-то дикое па и побежал к ребятам.

Никто не заметил, как отворилась дверь, и в зал вошла старенькая нянечка.

— Хрущков, Никитский и Горбутов! — прокричала она петушиным голосом.— К Калерии Егоровне...

14. Кабинет завуча

Человек, который сидел в кабинете Калерии Георгиевны, вид имел угрюмый. Он, вероятно, очень спешил и скрыть этого не мог, ибо все время раскачивался на стуле и тягостно-шумно вздыхал, что выводило из равновесия Калерию Георгиевну. Заведующая учебной частью хоть и делала вид, что углублена в рассмотрение сетки расписания уроков, но то и дело поднимала глаза на томящегося пришельца и даже раз-другой нервически хрустнула пальцами.

— Я и так пошла на нарушение всех правил,— не выдержала она наконец.— Сорвала учащихся с урока, что категорически не рекомендуется...

— Так положено,— сказал угрюмый, проглотив слону.

— А со мной вы объясниться не можете?

— Вот вручу документ — и объяснимся,— ответил он, страдальчески поглядев на потолок.

Вдруг неприятная догадка осенила Калерию Георгиевну.

— Скажите, товарищ, это связано... с гитарами?

Пришелец тоскливо взглянул на нее и кивнул со значением.

— Началось... — вырвалось у завуча, и лицо ее застыло в тревожном выражении.

Отворилась дверь, и петухоголосая нянечка, прокричав: «Вяду!» — впустила в кабинет вызванных.

Игорь, Андрюша и Шурик стали вдоль стенки.

Незнакомец раскрыл папку и, заглядывая внутрь, произнес:

— Грушко,— и пристально поглядел на ребят.

— Грушкоб... — поправил Игорь.— Я.

— Никитин...

— Я...

— Кор-бут... — прочел он по слогам.

— Я, Корбут,— сказал Шурик и опасливо огляделся.

— Так,— произнес незнакомец.— Правильно... Все налицо,— и стал перебирать какие-то бумаги.— Вот, значит, какое дело... продолжал он, найдя нужный лист.— Мне поручено,— он встал,— вручить товарищам, по поручению районных организаций... Отдела культуры... Диплом победителей в конкурсе самодеятельных музыкальных коллективов. Третья премия... Следовательно, товарищам Грушко, то есть Грушкоб, Никитину и Кор-бути... Разрешите вас поздравить с достигнутыми высокими показателями...— Незнакомец подошел к Калерии Георгиевне и протянул ей руку, которую она, давясь от сдерживаемого смеха, пожала.

— Фу,— сказала она.— Прямо гора с плеч... Просто комедия... Простите...

— И вас...— обратился он к награжденным, протягивая руку, но, поскольку представитель районных организаций с места не свинулся, разом повеселевшие ребята подбежали к нему сами и совершили церемонию рукопожатия.

— Теперь надо расписаться здесь,— сказал представитель, вынимая другой лист.

— Всем?— спросил Корбут.

— Достаточно одного официального лица,— и представитель протянул лист Калерии Георгиевне, в котором она и расписалась.

Представитель проверил подпись и положил ей на стол бланк диплома.

— Так,— сказал он.— Теперь, ежели вы хотите повесить этот документ в каком-нибудь общественном месте, могу предложить вам рамочку.— Он вынул из портфеля застекленную рамку из золотого багета.— Два рэ.

Теперь уже хотели все. Все, кроме представителя, который страдальчески смотрел в потолок.

— Рамочку так рамочку,— сказала Калерия Георгиевна, протягивая представителю трешнищу.

— Получите рублик сдачи... Юбилейный, бумажного нет,— он отдал ей большую монету.— Желаю творческих успехов.

— Скажите, пожалуйста,— обратилась к представителю Калерия Георгиевна, когда тот подошел к двери.— Почему вы хранили это в такой мрачной тайне? Почему об этом нельзя было сказать мне одной?

— Потому, что данный документ надлежит вручать лично в соответствующей обстановке, это раз... А другое, у меня изжога страшная, печёт, простите за выражение... Говорить тошно... А так, пришлось бы одно и то же два раза повторять...— и на лице представителя появилось некоторое выражение, которое его домашние, видимо, считают улыбкой.

— Ага!— запрыгал Шурик Корбут, когда представитель вышел.— Видите, Калерия Георгиевна! Можете считать, что мы заняли третье место на районной музыкальной олимпиаде! Ведь можно так считать!?

— Считать-то можно...— слабо улыбнулась Калерия Георгиевна.— Но что это на самом деле? Вот в чем вопрос... Понимаете, дорогие мои мальчики, я никак не могу определить свою позицию по отношению к этому,— она подняла со стола диплом.— Но я хочу откровенно поделиться с вами одним моим опасением...

Ребята настороженно слушали.

— В этом вашем одержимом музенировании я вижу... как бы это сказать... попытку ухода от реальной жизни в какой-то искус-

ственным мир, в мир музыкальных грез, что ли... А в наше серьезное время такой уход — проявление душевной слабости. Нежелание столкнуться с жизненными трудностями на равных, с открытым забралом... И восторжествовать над ними!..

— Можно сказать?— спросил Грушко, перебивая Калерию Георгиевну. Она кивнула.

— Почему вы... То есть все взрослые...— Грушко сильно волновался.— Сравнивают жизнь всегда только с войной? Столкнуться! Победить! С открытым забралом!.. Если случится война, мы будем сталкиваться и побеждать, как вы побеждали... Но, по-нашему, жизнь — это мир... И в мире стыдно жить, как на войне... Мир — это радость... Это награда народу за прошлые страдания... А радость человек выражает в песни, тамцах, поэзии... В общем, в искусстве... Почему же нам нельзя радоваться, петь, сочинять стихи? Почему надо все время жить с насупленными бровями? А, Калерия Георгиевна?!

— Убедительно,— согласилась завуч и, помолчав, добавила:— Хотя и демагогично... Почему вы не репетировали в школе? К чему эти тайны? Можно подумать, что вам запрещали заниматься музыкой?

— Мы сами так решили,— сказал Грушко.— Чтоб раньше времени волны не делать.

— Какой волны?— переспросила Калерия Георгиевна.

— Ну, шум не поднимать... Мы же ничего не умели... А теперь уже можно.

— Скажите, мальчики,— Калерия Георгиевна в упор взглянула на ребят.— Что это за история с деньгами? Вы что, берете за выступление деньги?

— Иногда берем. Сами не просим, но, когда дают, не отказываемся,— ответил Грушко, выдержав пристальный взгляд завуча.

— Но это уже не школьная самодеятельность, а какое-то коммерческое предприятие!— Калерия Георгиевну явно огорчила легкость, с которой Грушко произнес эту фразу.

— А что же нам делать? Нам нужны деньги! Не воровать же!

— Этого еще не хватало! Глупые шутки!— Калерия Георгиевна рассердилась.— Я рассчитываю на серьезный разговор.

— А это серьезно!— перебивая друг друга, затараторили ребята.

— Нам много денег нужно.

— Инструменты купить, усилители.

— Что, у родителей брат?

— Или у школы? Вы просто удивитесь, когда узнаете, сколько это все стоит. А ударный комплект? Тоже будь здоров!

— А потом, мы решили концертные костюмы сшить...

— В общем так,— сказала Калерия Георгиевна.— Никаких тай-

ных репетиций. Отныне все занятия в школе. И чтобы обо всех выступлениях мне было известно. Ясно?

— Ясно... — сказал Грушко, помолчав.

— Ну, — Калерия Георгиевна заметила, что у ребят испортилось настроение. — Музикальный диплом у вас уже есть, теперь пора подумать и об аттестате за среднюю школу.

15. Квартира Тая Петровой

Тая, ее старший брат, рано полысевший Костя, и пожилая родственница, которую все называли баба Ксюша, распутывали и растягивали по комнате немыслимой длины плети какого-то декоративного плюща, когда раздался мелодичный звонок в два удара и баба Ксюша пошла открывать, потому что Тая была, как лианами, опутана плющом.

— Таек, к тебе пришел какой-то мальчик, — шепнула баба Ксюша, выглянув в комнату. — Проходите, проходите, пожалуйста... — ворковала она, пропуская Олега Комаровского.

Костя с нескрываемым любопытством уставился на вошедшего.

— Олег! — всплеснула руками вспыхнувшая Тая. — Познакомься, Костя, это Олег.

— Ейный брат родной, — сказал Костя, безуспешно пытаясь выпростаться из плюшевого переплета. — Считайте, что мы пожали друг другу руки... А мы распываем этого беспризорника и играем в разные игры. Вы любите викторины, Олег?

— Сначала скажите, любите ли вы клюквенный морс? — перевела Костю баба Ксюша, притаившая из кухни стеклянный графин с морсом.

— Спасибо, я морс люблю, — ответил Олег вежливо. Он сразу почувствовал характер атмосферы этого дома и, как человек способный, тут же попытался к ней проноровиться. — И викторину я тоже люблю.

— Вот видите, — обратился Костя к Тая и бабе Ксюше. — Наш человек!

Олег с удовольствием выпил стакан морса.

— Колossalno! — воскликнул он.

— А вопрос такой. Как называется растение-паразит, которое, как клещ, вцепляется в милые, прекрасные деревья и пьет их соки?.. Считаю до пяти!.. Раз! — скомандовал Костя. — Два... Три...

Баба Ксюша подняла руку и, повернувшись к Олегу, стала подсказывать:

— На «о», на «о»...

Тая молчала, внимательно глядя на Олега. Лицо у того было отсутствующее.

— Ну, почему он это должен знать? — спросила она.

— А ты знаешь?.. Четыре...

— Омела! — сказала Тая и виновато поглядела на Олега.

— Правильно... Пять! — закончил счет Костя. — Давайте дальше!

— Только из той области, которая близка Олегу! — воскликнула баба Ксюша.

— Какая область вам близка? — спросил Костя.

Олег напрягся, он почувствовал себя не в своей тарелке.

— Я в жизни в это не играл, — сказал он. — Поэтому мне безразлично.

— Олег — отличник, у него никогда не было других отметок, кроме пяти баллов, — не нашлась Тая сказать ничего лучше и смущилась.

— Между прочим, я не вижу в этом ничего постыдного, — сказал Костя. — Я даже думаю, что это нормальная отдача нормального интеллекта. Правда, сестрица моя в данном случае — блестательное исключение, но, как известно, исключение подтверждает правило... Итак, далее. Прошу вспомнить следующую строчку и назвать поэта. Кто загадывает? Давайте по часовой стрелке... — он оглядел всех и, заметив боязливый взгляд Олега, добавил: — С бабы Ксюши.

— Как, как? — встрепенулся Олег.

— Проще пареной репы, — ответил Костя. — Вам говорят: «Суждены нам благие порывы», а вы отвечаете: «А свершить ничего не дано». Некрасов. Вот и все! Ясно? Хотите для пробы?

— Хочу, — ответил Олег.

— Роскошно! Внимание! «Играй, Адель, не знай печали»... Олег сморщил лицо, задумавшись.

— Вертится в голове... — сказал он.

— Отлично! Важно, чтобы вертелось. Вращение — один из самых продуктивных видов движения... — ободрял Костя. — Ну?

Так как Олег молчал, Тая сказала:

— «Хариты, Лель тебя венчали». Пушкин.

— Ну, ясно! — сказал Олег. Он был унижен, хотя и бодрился.

— И хорошо, что ясно! — вскричал Костя. — Продолжаем!

Баба Ксюша, плииз!

Баба Ксюша была озабочена, она во что бы то ни стало хотела выискать такую строчку, чтобы ее непременно знал Олег.

— Ну, ладно, — сказала она. — «И спокойно в свой удел...».

— «Через море полетел!» — в один голос закричали и Олег, и Тая, и Костя.

Олег повеселел.

— Теперь ваш черед, — сказал ему Костя.

Олег аж вспотел, он не мог припомнить ни одной парной строчки.

— Знаете что,— сказал он,— я зашел на минутку. Поговорить с Таей. Можно?

— Что за вопрос!— пробасил Костя, и Петровы деловито принялись выпутывать Таю из зеленой сети.

И тут Олег словно впервые увидел Таю, да и действительно, такой он видел ее впервые: в узких домашних брючках, в свитере, из которого она давно выросла, без этого скучного зеленого платочка на шее она была удивительно тоненькой и нежной.

Они вошли в соседнюю комнату, сплошь заставленную шкафами с геологическими образцами и книгами. На стене висела большая фотография молодой девушки верхом на осле.

— Это ты, что ли?— усмехнувшись, спросил Олег.

— Нет, это баба Ксюша в молодости,— тоже улыбнулась Таю.— Она у нас знаменитость, лауреат премии Академии наук. Она прелесть, правда?

— Ага... Слушай... Знаешь, я тебя никогда такой не видел.

— Какой?— Таю смущилась.— А о чём ты хотел говорить?— спросила она довольно резко.

Олег отвернулся, помолчал и сказал как-то вяло:

— Да, в общем, ни о чём... Просто надоело в это играть,— он мотнул головой в сторону Кости и бабы Ксюши.— У меня, понимаешь, на стихи памяти нет. Читал-то я их много, но как-то не запомнишь...

— Ага, ага,— закивала головой Таю.— Это бывает такая избирательная память.

Олег помолчал, разглядывая друзы горного хрустали за стеклом шкафа. Пауза становилась неловкой.

— Ну, пока...— вдруг заторопился Олег.— Я побежал... Привет!

— Привет...— отозвалась Таю, провожая Олега.

У дверей Олег оглянулся.

— Знаешь, тебя вот такую... в классе никто бы не узнал!— и хлопнул дверью...

— Это Олег ушел,— войдя в комнату, объяснила Таю.

— Что так скоро?— спросил Костя.

Тая покачала плечами и на четвереньках снова подлезла в самую гущу плющевой зелени. В это время раздался мелодичный звонок.

— Густо гость пошел!— воскликнул Костя и направился в переднюю.

— Таек, что-нибудь случилось?— тихонько спросила баба Ксюша.— Что-нибудь не так?

Тая развела руками.

— Это Олег!— доложил, входя, Костя и принял деловито выпутывать из ёлочного плюща Таю, зардевшуюся от радостного предчувствия.

Олег стоял в передней и выглядел смущенным.

— Ну вот и хорошо,— выдохнула Таю, подбегая к гостю.— А то как-то...

— Я, правда, должен уходить... Но... Я почему-то решил не говорить, но подумал, что это малодушно и решил сказать... Таю молча ждала, напряженно и взволнованно.

— Понимаешь... Я... вот что... хотел сказать... завтра выводят отметки за полугодие, а у меня кол, понимаешь, который ты нам устроила. Надо, чтобы Марья его исправила...

Глаза Таи погасли и стали совсем как в классе, но она видела, что Олег ужасно волнуется, и хотела помочь ему, помочь во что бы то ни стало.

— А что я должна сделать?

— Пойти к Марье и попросить,— сказал Олег таким тоном, словно отвечал на идиотский вопрос.

— Чтобы она всем исправила?

— Это как захочет. А мне обязательно... Понимаешь, я в такой институт иду, что все эти промежуточные отметки очень важны. Характеристика должна быть — стекло! Усекла?

— А почему ты сам ее не попросишь?

— Потому,— сказал Олег искренне,— потому, что мне гордость не позволяет...

— Хорошо...— тихо и очень внятно произнесла Таю.— Только... когда же я успею?.. Завтра уже 27-е, у Марьи Васильевны юбилей.

— На это и расчет!— озорно подмигнул Олег.— Амнистия всегда бывает под праздники.

Тая быстро взглянула на него и прерывисто вздохнула:

— Ой, Олег... Ой, Олег!..

— Не боись, все будет нормально!— Комаровский находился в состоянии какой-то радостной нервозности. Он вдруг подошел к стене и ладонями выступал какую-то резкую ритмическую фразу. Потом повернулся к Тае и сказал:

— Слушай, а что ты всегда такая замотанная ходишь?

— У меня железки... с детства...— немного стесняясь, объяснила Таю.— Но они проходят... Скоро мне разрешат физкультурой заниматься.

Олег еще раз критически оглядел Таю.

— Вот так — совсем другое дело!..— сказал он строго и неожиданно ласково улыбнулся.— Ну, все! До завтра!

— Олег!— вдруг позвала Таю.— Я все думаю... Думаю... Я, наверное, все-таки в чем-то виновата в той истории, но я не могла по-другому...

— Ну, раз виновата,— сказал Олег серьезно,— то искупай свою вину!

И заскакал вниз по лестнице.

16. Квартира Комаровского

Отец вошел в ванную и стал разматывать шнур электробритвы.
— Могу я рассчитывать на доброе утро? — спросил он, глядя в зеркало.

— Доброе... — раздался голос из-за пластиковой занавески, отделявшей ванну.

Там по шею в воде лежал Олег и читал книгу.

Отец, продолжая бриться, раздвинул плотную шеренгу стоящих на полке перед зеркалом разнообразных красивых флаконов с лосьонами и кремами, чтобы лучше видеть отражение сына.

— Опять читаешь? — спросил он.

— Угу.

— Что именно, позволь поинтересоваться?

— Математику.

— Архимед! Сейчас выскочишь с криком «эврика!».

— А что здесь смешного? — спросил Олег, не отрываясь от книги.

— А то, что я пытаюсь понять, откуда все берется? — отец отвел руку с бритвой так, чтобы ее жужжание не мешало ему говорить. — Вот говорят, яблоко от яблони... и так далее. Ведь ты такой же Комаровский, как и я...

— Одноименные заряды отталкиваются! — весело прокричал Олег из-за занавески. — А вообще-то я совсем другой Комаровский! — и он пустил душ.

Отец постоял, глядя на колышущуюся от мощных водяных струй занавеску, хотел было что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Но разговор он, видно, законченным не считал и поэтому, когда Олег вышел в трусах из ванной и, на ходу причёсываясь, прошел в комнату, тут же появился в дверях. В руках он держал бутерброд и чашку кофе.

— Значит, говоришь, другой Комаровский? — добродушно улыбался отец, прихлебывая кофе. — Ну и чем же ты от меня отличаешься?

— Психологической конструкцией личности, — тоже улыбаясь, ответил Олег. Ему уже чем-то начинал нравиться этот словесный бой.

— Скажите на милость!.. И как же ты сконструирован?

— С гораздо большим процентом честолюбия.

Олег ловко всунул сразу обе ноги в штанины брюк и прошел на кухню. Там на столе лежали приготовленные отцом бутерброды. Он подсел к столу и начал завтракать. Старший Комаровский уже без улыбки смотрел на сына. Он допил свой кофе, поставил чашку под кран в раковину.

— И что же дают тебе эти лишние проценты? — спросил он с несколько искусственной легкостью.

— Надежду, что проживу более интересную жизнь.

— Чем моя? — осторожно сказал отец.

Олег понял, что разговор вышел на какой-то скользкий путь, но отступать уже было поздно.

— И твоя в том числе, — твердо сказал он, глядя прямо в глаза отцу. — Ты, надеюсь, не считаешь свою жизнь эталонной?

— А что это такое — эталонная жизнь? — резко спросил отец. — Каковы критерии для ее определения? Это все красивые слова! Любая жизнь, прожитая честно, достойно, нравственно, содержательно, заслуживает уважения и подражания.

— Ну, знаешь, папа, это тоже красивые слова! — скривился Олег. — Потому что есть жизнь Ньютона... или там Менделеева, а есть жизнь...

Олег замялся, подбирая пример поубедительнее.

— Ну, моя, например, — подсказал отец.

— Я этого не сказал. — Олег даже испугался.

— Но мог бы, — улыбнулся отец. — Ты говори, говори, раз уж такой разговор у нас получается.

Олег опустил глаза, не решаясь начать. Он даже побледнел от волнения.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я скажу, если ты хочешь. Понимаешь, па... твоя жизнь, конечно... конечно... достойна всякого уважения... Но я ни за что не хотел бы повторить ее...

Отец молчал, с нарастающим мучительным интересом глядя на сына. А Олег страшно огорчился от своей неожиданной откровенности. Отец, растерянно стоящий перед ним, с кухонным полотенцем через плечо, которым он механически вытирал уже давно сухую чашку, показался ему незащищенным, ранимым и притихшим. И нахлынувшая вдруг обида и любовь к отцу, так несправедливо обделенному жизнью, как казалось Олегу, захлестнула его.

— Па, — сказал он с непредполагаемой сердечностью в голосе. — Ты не обижайся, па, но если бы ты знал, как мы с мамой страдаем за тебя...

— Страдаете? — отец невольно усмехнулся. — Каких только новостей не услышишь в собственном доме!..

— Ведь столько времени ты потратил впустую!.. Кем бы ты мог стать, если бы сосредоточился на одном... Когда мать вспоминает, какие надежды ты подавал, у нее руки трясутся... Всякие болваны давно стали докторами наук, а у тебя только эти «Амурские волны»!.. Вот уж действительно жизнь вылетела в трубу...

— Значит, чтобы считать свою жизнь удавшейся, нужно стать, как минимум, доктором наук? — очень серьезно спросил отец.

— Только не подводи меня под схему! — моментально вспыхнул Олег. — Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю. Можно плыть по течению, а можно не поддаваться ему, можно ждать, как сложится жизнь, а можно самому ее складывать.

— Можно... — согласился отец. — Только при этом не нужно считать пустощами тех, кто живет не по твоим правилам. Цель в жизни — это великая вещь, но все-таки цель-то эта — в жизни! А у тебя как раз отношение к этой самой жизни, как к какой-то трясине, которая только засасывает людей... ты все норовишь мостки какие-то дурацкие к своей цели выложить, оступиться боишься!.. Да нет никакого болота, уж попробуй мне поверить! Есть вполне твердая земля, и живут на ней самые разные люди... И часто очень симпатичные... А ты, как заядлый стрелок: прицепился, прищурился... уперся глазом в свою мишень и ничегошеньки вокруг не видишь! Это, братец ты мой, просто катастрофа! — шутливо развел руками отец.

Олег тоже улыбнулся, довольный, что разговор перешел в это благородное русло.

— Знаешь, па, если уж выбирать, то я предпочел бы такую катастрофу, чем катастрофу аморфной, растительной жизни.

— Ну, смотри, тебе жить... тебе жить...

Отец поглядел на часы и присвистнул.

— Ого, опаздываю! Но по уважительной причине: сын воспитывал меня.

Он убежал в переднюю.

— А что касается моей судьбы,— донесся оттуда его голос,— то вы с мамой не очень-то проливайте слезы.— Он снова стоял в дверях кухни, торопливо застегивая плащ.— Работу свою я люблю, на трубе играть все равно буду, да и вас, страдальцев, тоже очень люблю. Так что, куда ни кинь, выходит — счастливый я человек.

— Ну, смотри,— не без иронии сказал Олег и процитировал отца: «Тебе жить, тебе жить...»

17. Класс, коридор

И вот наступило 27-е число, день рождения Марии Васильевны Девятовой. Ей исполнилось пятьдесят пять лет.

На учительском столике в большой африканской вазе, которую по такому случаю пожертвовали родители Суливар, тесно стояли цветы. В классе царило то сдержанное оживление, которое всегда предшествует всяким импровизационным начинаниям. Активные тормозились вокруг инициаторов, скептики со стороны поглядывали на организационную суету, циники насмешливыми замечаниями портили всем настроение, инициаторы ругались с циниками...

Короче говоря, все было как обычно бывает. Необычным, пожалуй, было только то, что Тая Петрова пришла на этот раз без своего надоевшего зеленого платочка вокруг шеи и шерстяного платка. В школьной форме, стянутая в талии белым фартуком, она выглядела тоненькой и неожиданно изящной. Необычным было и поведение Олега Комаровского, который не отходил от Таи ни на шаг. Они прогуливались по коридору, и Олег все время тихо и напористо что-то ей говорил.

Три подружки — Кэт, Даша и Алиса — конечно же, не оставили этот факт без внимания. Они, взявшись за руки, тоже чинно прогуливались по коридору и громко обменивались впечатлениями.

— Девочки, а Петрову-то не узнать! — воскликнула Горемыкина.

— Петрушечка! — пропела Алиса. — Ты словно бабочка, вылупившаяся из кокона!

Тая обернулась, не рассыпав, но Алиса повторять не стала и

только обворожительно улыбнулась, и Тая доверчиво улыбнулась ей в ответ.

— Что роман делает с человеком! — продолжала удивляться Кэт.

— Не роман, подружка, а розыгрыш! — как всегда врезала Даша.

Слово «розыгрыш» она произнесла особенно громко и раскатисто, и Олег гневно зыркнул на девочек. Но этот взгляд не произвел на них никакого впечатления.

И еще от одного человека не ускользнуло происходящее в коридоре. Игорь Грушко стоял у раскрытых дверей фотокомнаты и бросал ревнивые взгляды в сторону Таи и Олега. А в самой фотокомната народу толпилось значительно больше, чем эта комната могла вместить.

— Доянул!.. — шипела комсорг Еременко. — Не успеем, не успеем!

— Спокойно! — слышался из-за спин невозмутимый голос Вардзиэли. — Последние мазки!... Готово!

И над головами ребят проплыла большая фотография, наклеенная на картон. Шурик Корбут схватил ее в руки и помчался к дверям класса. Но, пробегая мимо Таи, он не смог не остановиться.

— Здорово, а? — он показал ей фотографию.

— Что это? — не сразу поняла Тая.

Шурик интригующе молчал.

— Ой! — вдруг всплеснула руками Тая. — Гениально! Это вы из каждого ее выпуска взяли по одному человеку?..

— Как идея! — вдохновенно сверкая глазами, сказал Вардзиэли, подбежавший вместе с остальными ребятами. — Весь педагогический стаж на одном квадратном метре! Девятовская сборная!

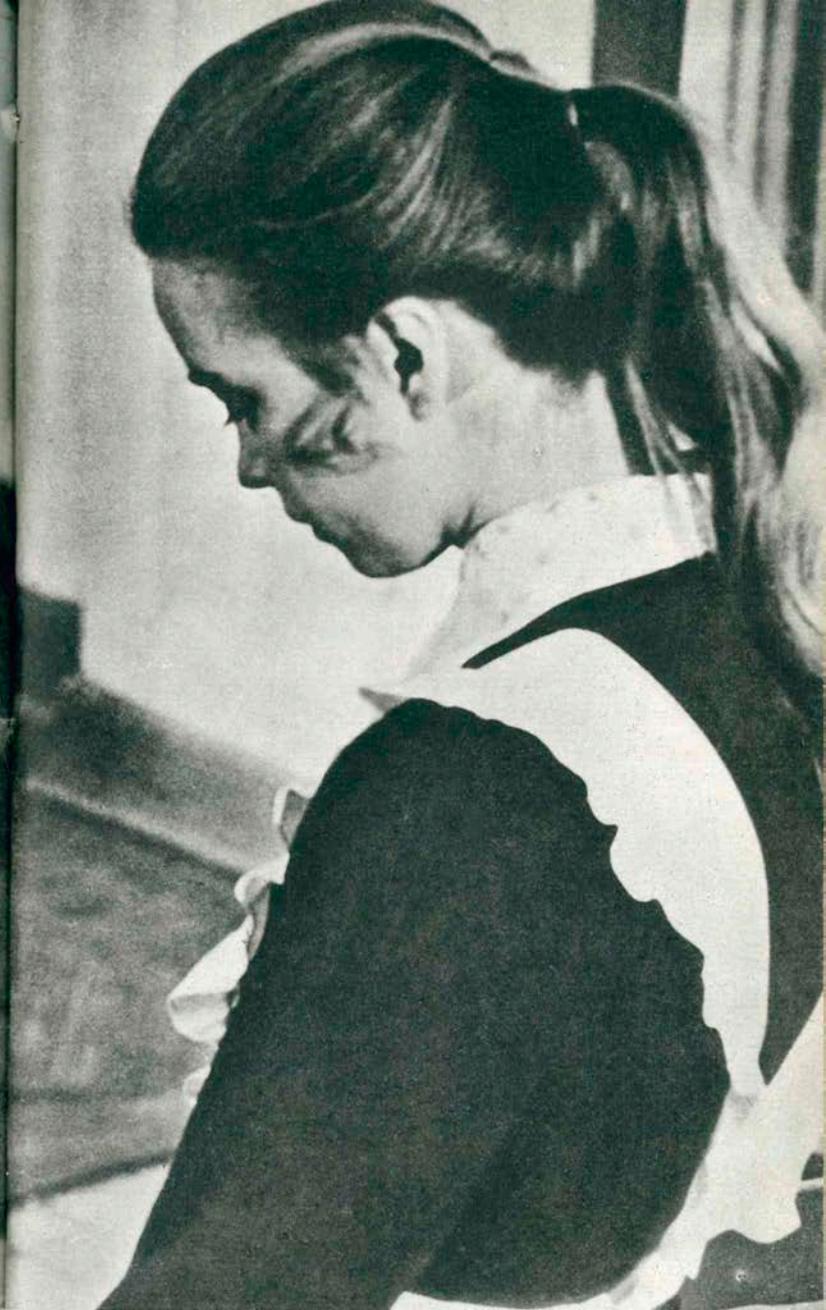
Идея была хорошая, а что получилось — еще лучше. На первый взгляд ничего нельзя было понять: класс как класс, тридцать три человека в четыре ряда. Но, взглянувши, тебя охватывает непонятное волнение, уж очень несовместимыми в единой композиции выглядели все эти ребята, уж очень разнились их облики, выражения лиц и глаза...

— Это так здорово, что и представить себе невозможно! — прошептала Тая, разглядывая фотографию. — А от нашего класса кто?

Вместо ответа Шурик Корбут ткнул пальцем в правый угол снимка.

— Вы с ума сошли! — Тая сразу стала пунцовкой. — Да вы что?! Почему — я?..

— Некоторые товарищи высказали спецпожелание, — заговорил

щицким тоном объяснил Вардзиели,— и комсомольское бюро нашло возможным пойти им навстречу.

Тут прозвенел предупредительный звонок, и все повалили в класс. Корбут и Вардзиели положили на учительский стол «девятоскую сборную».

— Не лапать! — бдительно кричал Шурик столпившимся вокруг ребятам и шлепал по тянувшимся к фотографии рукам.

На доске было прикреплено множество фотопортретов Марии Васильевны. Под снимками были надписи типа: «Ставит кол», «Ставит пару», «Ставит пять!», потом: «М. В.—хвалите!», «М. В.—ругает», «М. В.—!..» На этой последней фотографии Мария Васильевна сморкалась в платок.

В углу класса стояли гитары, усилители и блестящий малиновым перламутровым покрытием комплект Вардовых барабанов. Там возились с электрическими шнурами Грушко и Никитин.

А в классе шли свои разговоры:

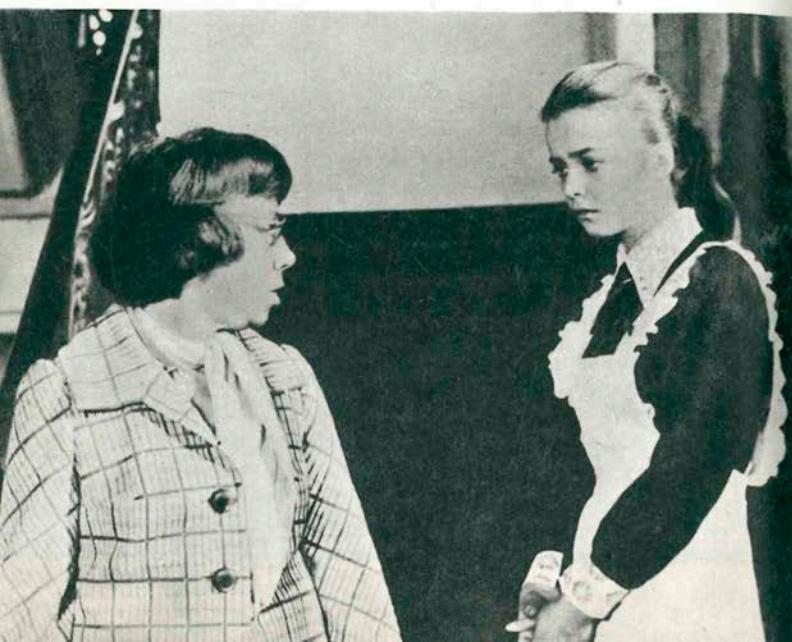
— Девочки, а девочки, а в каком она, интересно, платье придет?

— А ее вполне каким-нибудь орденом могут наградить, точно!

— Барабаны видал? Югославские!

— А я сегодня ни фига не учил. У нее совести не хватит пару поставить...

Верзила Зорин-Кротов стоял перед доской и нарочно басил, неумело крестясь:

— Преподобной Марии помо-оолимся!..

— Ну, как не стыдно! — сказала девочка, поправляя цветы в африканской вазе. — Что ты всегда паясничашь?

— Сейчас в лоб дам! — улыбнулся Зорин-Кротов.

Олег первым заметил появившуюся в конце коридора Марию Васильевну и юркнул в класс.

— Идет! — выкрикнул он.

Все суетливо принялись рассаживаться по своим местам.

— Ребята, внимание! — крикнула Еременко. — Я махну рукой, и вы сразу: «По-здрав-ля-ем!»

Все выжидательно уставились на дверь, но Мария Васильевна не появлялась. Она разговаривала в коридоре с Таей.

— ...Он в такой институт собирается... — Тая очень волновалась. — А если у вас эти единицы считанные, то, пожалуйста, поставьте мне, а ему исправьте...

— Это Комаровский просил вас поговорить со мной? — спросила Мария Васильевна крайне сдержанно.

— Нет, я сама! — Тая смущалась. — Я сама, Мария Васильевна... Он гордый! Он сам не может... — она кусала губы, чтобы не разреветься.

— Во-первых, неправда, что этот гордый не говорил со мной. Говорил, и я ему отказалась... А вторая неправда — что он вас не просил... И очень горько, что вы, которой ложь, как я считала, органически несвойственна, дали себя впутать в нее.

И Мария Васильевна пошла к классу. В дверях она столкнулась с Олегом, который выглянул в коридор, обеспокоенный затянувшимся разговором. Какое-то мгновение они молчали, смотрели друг на друга.

— Вы меня фундаментально разочаровали сегодня, Комаровский, — очень тихо сказала Мария Васильевна и вошла в класс.

— По-здрав-ля-ем!!! — ребята вскочили и захлопали в ладоши.

Мария Васильевна сперва улыбалась, потом хмурилась, потом снова улыбалась и снова хмурилась, потом вынула носовой платочек и высыпалась...

В этот миг всех ослепила фотоспышка.

Раздался оглушительный, тридцати-с-чем-то-голосый хохот и тридцать с чем-то рук указали на один из портретов Марии Васильевны на доске, где была изображена точно такая же сцена...

И тут засмеялась и Мария Васильевна... Первый раз в жизни ребята видели ее смеющейся.

Увидев все праздничное убранство класса, Мария Васильевна всплеснула от неожиданности руками и принялась с живым интересом все разглядывать, и, судя по ее спине, все ей необычайно нравилось.

Игорь Грушко наклонился к сидящей впереди него Петровой и сказал шепотом:

— Ненавижу, когда золотая рыбка служит у гада на посылках.

— Дурак! — с неожиданной яростью почти выкрикнула Тая.

— Ну, так тебе и надо! — тоже яростно ответил Грушко. И, подумав, добавил печально: — Хотя за что?..

Мария Васильевна подошла к своему столику и хотела было положить на него журнал, который все еще держала в руках, как увидела «девятовскую сборную». Она долго вглядывалась в снимок, ничего не понимая, потом вдруг вскрикнула: «Ой!» — и, уткнувшись лбом в холодное стекло, видимо, заплакала, потому что плечи у нее как-то съеживались.

Класс затих. И неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы снова не отворилась дверь, обнаружив Карла Сигизмундовича, Ирину Глебовну, Руфину Аркадьевну и преподавателя французского Георгия Николаевича Оболенского. Они торжественно вошли, учительницы положили на столик по букету, а учителя церемонно поцеловали Марии Васильевне руку. Ребята снова захлопали в ла-

доши, Карл Сигизмундович призвал к тишине. И когда тишина восстановилась, он сказал:

— Куплет имею я с собой, но где, скажите, виновница торжества, он должен быть передо мной!

Карл Сигизмундович очень бойко пародировал месье Трике из оперы «Евгений Онегин». И пока смеющиеся Ирина Глебовна и Руфина Аркадьевна, взявшая Марию Васильевну под руки, вели ее на встречу химику, тот достал из кожаного футляра маленькую круглую гармонику и, растрянув мехи, низко поклонился.

Снова загромыхали аплодисменты, которые на этот раз успокаивал Оболенский, провозглашая:

— Силянс, мез ами! Эн моман!

А Карл Сигизмундович заиграл известную всем мелодию и запел тенорком:

Какой прекрасный этот день,
Когда в сей наш московский сень
Просыпался, бель Марии-я,
И мы приехали сюда,
Коллеги все, учителя,
Вас поздравить с днем рождения!
Вы роза, вы роза, вы роза, бель Марии-я!
Вы роза, вы роза, вы роза, Мария Васильевна!

Он взмахнул рукой — и Оболенский, Ирина Глебовна и Руфина Аркадьевна вступили в припев:

Браво, браво, браво, Карл Сигизмундович,
Куплет ваш превосходен!
И очень, очень мило спет!

— Тра-та-та-та! — закончил химик, и все поклонились.

Снова аплодисменты, которые тут же смолкли, как только Мария Васильевна подняла руку.

— Спасибо, — сказала она негромко. — Я не ждала... Я просто растрогана... Поистине, куплет ваш превосходен и очень мило спет... От всей души...

И Мария Васильевна поклонилась своим коллегам...

— Друзья мои! — сказал химик. — Мы выполнили долг сердца. А сейчас нас ждет Калерия Георгиевна на совещание по эстетическому воспитанию.

— Представляете, как нам влетит, если мы опоздаем! — засмеялся Оболенский, и все тоже засмеялись.

Учителя ушли.

— Мария Васильевна! — поднялась Еременко. — Комсомольское бюро в связи с вашим юбилеем познакомилось с вашим личным делом, и мы выяснили, что в вашей трудовой книжке всего одна

запись — наша школа. И это прекрасно! Правда, она несколько раз меняла номер, но все равно это одна и та же наша школа... И у вас там записано, мы подсчитали, сорок две благодарности. Это прекрасно! Это значит, что вы всегда работали на «хорошо» и «отлично» и являетесь для нас всех вдохновляющим примером... И это прекрасно!.. Мария Васильевна! Мы поздравляем вас с вашим замечательным пятидесятипяти... — у нее не хватало дыхания, она глотнула воздуха и закончила: —...летним юбилеем...

— Зимним! — не удержался Зорин-Кротов.

Все расхохотались. И Мария Васильевна тоже.

— И желаем вам, — звонко продолжала комсорг, — самых больших успехов в труде и в личной жизни! А сейчас наши «Люди», в смысле — вот они, — подарят вам песню.

Никитин, Вардзиели, Корбут и Грушко встали и под шепот класса пошли к инструментам. И в это время поднял руку Олег Комаровский:

— Можно мне сказать?

— Конечно, Олег, — сказала Девятова. — Пожалуйста. Я жду. Олег стоял бледный, он очень волновался.

— Вот Еременко сказала, что в вашей книжке всего одна запись, — начал он чуть дрожащим голосом. — И что это прекрасно... Это, правда, невероятный итог жизни!

Еременко захлопала, и все захлопали. Тая оглянулась на Олега и улыбнулась ему.

— Вы работаете в школе почти в два раза дольше, чем мы живем на свете. Какой вдохновенный пример! Так экономно израсходовать свой интеллектуальный потенциал!

— Ой, Олег!.. — зашипела Алиса Суливар, она раньше других поняла истинный смысл его патетической интонации.

— Ведь Мария Васильевна, ребята, сто раз уже могла стать доктором наук, профессором, академиком, да мало ли кем!.. Но она на это не пошла... Мария Васильевна, всегда учившая нас в решении задач искать самого простого способа, и свою главную жизненную задачу решила элементарно просто, просидев на одном стуле тридцать лет и три года...

Олег сделал паузу и окунул взглядом класс. Ребята во все глаза глядели на него, ничего не понимая, кто с восторгом, кто с недоумением, кто со страхом.

— И вот сегодня, когда мы провожаем вас на заслуженный отды, мы вам низко кланяемся. Ваш урок не пропал для нас даром...

Класс вздрогнул и загудел:

— Почему?.. Что он говорит?.. Мария Васильевна, вы что, уходите? Мария Васильевна, не уходите!..

— А вы подождите!.. — крикнул Комаровский, заводясь все

больше и больше.— Устроили день рождения и все такое... Показуха! А скажи вам, что Мария Васильевна заболела и что алгебры не будет... вот будет настоящая радость!..

Тут с первой парты поднялась Тая Петрова, она задыхалась.

— Мария Васильевна!— крикнула она небывало громко.— Ребята!.. Это шутка!.. Понимаете?.. Розыгрыш!.. Скажи, Олег?.. Ну, скажи, что это для смеха!..— Тая посмотрела на него полными слез и надежды глазами.— Прошу тебя!.. Пожалуйста!..

Но Комаровский уже зашелся, к тому же ему стало невыносимо стыдно, что Тая перед всем классом обратилась к нему с такой личной интонацией и глядела на него такими глазами, и он сорвался с тормозов.

— А ты молчи!.. Юродивая!..— крикнул он, метнув на нее не-приязненный взгляд.

Тая не отрывала от него глаз и села, стиснув ладонями лицо.
Немыслимая тишина стояла в классе.

Мария Васильевна с глубокой грустью неотрывно смотрела на Комаровского. И под ее взглядом он сунул тетрадку в портфель и пошел к двери, где с гитарами в руках стояли «Люди».

— Дай пройти.

Те раздвинулись, и он ушел. Класс загудел. Мария Васильевна подняла руку. Все разом стихло.

— Я от вас никуда не уйду!— сказала она очень серьезно.— Давайте и вправду считать все это розыгрышем... Я не уйду от вас потому, что очень люблю вас... Вы — моя жизнь... И только жалкие люди убегают от своей жизни... Ну, вот, повеселились, а теперь за дело. Выньте задачники по алгебре и тетрадки... Да, я и забыла, вы хотели подарить мне песню?.. Дарите!

Все обернулись к музыкантам. И тут оказалось, что Грушко среди них нет. Но оставшиеся были спокойны, словно все было как надо.

— Мы дарим вам песню, Мария Васильевна,— сказал Андрюша Никитин. Голос его немного дрожал.— Вот эту...— он оглянулся на ребят. Шурик и Илья были сосредоточены и собраны. Андрюша взмахнул грифом, и песня началась...

А Грушко бежал по коридору со своей рогатой чудо-гитарой в руках. Он бежал, заглядывая во все закоулки, подняв гитару за гриф, как шашку наголо.

А над школой звучала песня, которую 9-й «А» подарил своей учительнице...

Фильмографическая справка

«Розыгрыш». Производство киностудии «Мосфильм», 1976. Автор сценария С. Лунгин. Режиссер В. Меньшов. Оператор М. Биц. Художник Б. Бланк. Композитор А. Флярковский. Звукооператоры В. Алексеева, В. Попов.

Роли исполняют: Е. Ханаева [Девятова Мария Васильевна], З. Гердт [учитель химии Карл Сигизмундович], Н. Фатеева [Калерия Георгиевна], М. Крепкогорская [Руфина Аркадьевна], П. Винник [загвоздка Семен Семенович], О. Табаков [Комаровский-старший], Дима Харатян [Игорь Грушко], Андрюша Гусев [Олег Комаровский], Наташа Вавилова [Тая Петрова], Коля Константинов [Шурик Корбут], Саша Жильцов [Андрей Никитин], Даша Германова [Даша Розанова], Ира Кораблева [Алиса Суливар], Галя Манухина [Кэт Горемыкина], Нина Савищева [Таня Нестерова], Арсен Михайлов [Илья Вардзили].

Лунгин С.

- Л 84 Розыгрыш: Киносценарий / Вступ. статья
Л. Голубкиной — М.: Искусство, 1978. — 104 с.
с ил. — (Б-ка кинодраматургии).

Киносценарий «Розыгрыш» посвящен морально-этическому воспитанию подростков. На частном примере из жизни девятиклассников поднимаются важные проблемы нравственного формирования личности, становления общественных, гражданских интересов, рассматриваются характерные явления, происходящие в среде современной молодежи.

Л 80106-195
Л 113-117-78
Д25(01)-78

ББК85.543(2)
778С+Р2

Содержание

Л. Голубкина. О сценарии С. Лунгина «Розыгрыш»	5
С. Лунгин. «Розыгрыш»	10

Семен Львович Лунгин

РОЗЫГРЫШ

Редактор И. Н. Владимирцева. Художественный редактор И. С. Жихарев.
Художник Г. К. Александров. Технические редакторы Н. И. Новожилова,
А. Н. Ханина. Корректор Е. Р. Лаврова.

ИБ № 702

Сдано в набор 16.06.78. Подп. к печ. 27.10.78. А07904. Формат изда-
ния 84×100½. Бумага тифлоручная. Гарнитура журнально-рубленая. Глу-
бокая печать. Усл. п. л. 5,057. Уч. изд. л. 6,891. Изд. № 15371. Тираж 30 000.
Заказ 1854. Цена 55 коп. Издательство «Искусство». 103009 Москва, Соби-
новский пер., 3.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по
делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

55 коп.

